

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Жестокие
слова

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз,
исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке,
спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Жестокие слова

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Жестокие слова / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2009 — (Звезды мирового детектива)

Роман «Жестокие слова» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. Ночью в уединенной хижине в глуши леса сидят и разговаривают двое людей. Спустя короткое время один из них умирает, унося в могилу все свои тайны. Его убийство – очередная загадка, которую предстоит разгадать старшему инспектору Арману Гамашу и его команде. Поначалу у них нет ни орудия убийства, ни мотива, одни лишь подозрения. Очевидно одно: этот человек предательски убит кем-то, кого хорошо знал. И даже после его смерти паутина предательства продолжает плестись...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

© Пенни Л., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	22
Глава четвертая	27
Глава пятая	32
Глава шестая	38
Глава седьмая	45
Глава восьмая	51
Глава девятая	56
Глава десятая	62
Глава одиннадцатая	67
Глава двенадцатая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Луиза Пенни

Жестокие слова

*Обществу защиты животных области Монтерези и всем людям,
что «звонят в колокола небес».*

А также Мэгги, которая целиком, без остатка отдала свое сердце

Louise Penny
THE BRUTAL TELLING
Copyright © 2009 by Louise Penny
All rights reserved

© Г. Крылов, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

ЛУИЗА ПЕННИ – канадская писательница, автор серии детективов об Армане Гамаше, старшем инспекторе отдела убийств полиции Квебека (в настоящее время вышло 11 романов). Уже первое ее произведение, «Убийственно тихая жизнь», завоевало несколько престижных премий в области детективной литературы, в том числе премию «John Creasy New Bloody Dagger». Каждый последующий ее роман мгновенно становился бестселлером. Пенни – первый пятикратный лауреат премии «Agatha Award».

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.
Publishers Weekly

Изобретательно и неожиданно.
Guardian

Убийство, обаятельный детектив и пугающая атмосфера – впечатляет!
The Times

Гамаш – удивительно сложный и привлекательный герой, которому суждено стать одним из классических литературных детективов.
Kirkus Reviews

Вы не найдете деревню Три Сосны на карте... хотя Луиза Пенни сделала и саму деревню, и ее жителей столь реальными, что вам захочется непременно отыскать ее.
The Chicago Tribune

Читать романы Луизы Пенни – редкостное удовольствие.
People

Это превосходная детективная история в классическом стиле Агаты Кристи, и она, безусловно, заставит поклонников с нетерпением ожидать продолжения.
Booklist

Глава первая

– Все? Даже дети?

Огонь в камине потрескивал, пощелкивал, тяжело вздыхал.

– Убиты?

– Хуже.

Наступило молчание. И в этой тишине обитало все, что могло быть хуже убийства.

– Они близко?

По его спине поползли мурашки, когда он представил, как что-то ужасное движется по лесу. В их направлении. Он оглянулся, готовый к тому, что увидит красные глаза, которые смотрят на него сквозь темное стекло. Или из углов. Или из-под кровати.

– Они повсюду. Ты видел свет в ночном небе?

– Я думал, это северное сияние.

Розово-зелено-белые переливы, колышущиеся на фоне звезд. Словно нечто живое, сияющее и растущее. И приближающееся.

Оливье Брюле опустил взгляд, не в силах больше смотреть в беспокойные, безумные глаза своего визави. Он давно сжился с этой историей, убеждая себя, что она не имеет отношения к действительности. Она была мифом, историей, которую рассказывают, повторяют и приукрашают снова, и снова, и снова, сидя, как в их случае, перед огоньком.

Всего лишь история – ничего более. Какой от нее вред?

Но в этой простой бревенчатой хижине, затерявшейся в глуши Квебека, казалось, что за ней стоит нечто большее. Даже Оливье чувствовал, что верит в нее. Может быть, потому, что Отшельник явно не испытывал ни малейшего сомнения.

Старик сидел в легком кресле по одну сторону камина, а Оливье – по другую. Оливье смотрел в огонь, горевший вот уже более десятилетия. Старое пламя, которому не позволяли умереть, бормотало и потрескивало в камине, слабо освещая хижину. Оливье взял простую металлическую кочергу и пошуровал в углях, вздымая фонтан искр. Пламя свечи отражалось в тусклых предметах, которые в темноте напоминали глаза, выхваченные огнем.

– Уже скоро.

Глаза Отшельника были похожи на металл, достигший точки плавления. Старик подался вперед, как делал почти всегда к концу истории.

Оливье обвел взглядом комнату. Темнота подчеркивалась горящими свечами, образующими фантастические, немыслимые тени. Ночь просочилась внутрь сквозь щели в бревнах и обосновалась в хижине, свернулась калачиком в углах и под кроватью. Многие местные племена верили, что зло обитает в углах, а потому их традиционные дома были круглыми. В отличие от квадратных домов, которые построило для них правительство.

Оливье не верил, что зло обитает в углах. Сказки. По крайней мере, не при свете дня. Но он верил в то, что в темных углах этой хижины затаились духи зла, о которых знает лишь Отшельник. Те духи, при мысли о которых сердце Оливье начинало биться быстрее.

– Продолжай.

Это прозвучало с напускной уверенностью.

Было уже поздно, а Оливье еще предстояло совершить двадцатиминутную прогулку по лесу назад в Три Сосны. Он совершал это путешествие каждые две недели и хорошо знал дорогу, даже в темноте не заблудился бы.

Только в темноте. Их взаимоотношения существовали только после полуночи.

Они прихлебывали черный чай. Оливье знал, что это угощение припасено для почетного гостя Отшельника. Единственного его гостя.

Но сейчас подошло время рассказывать историю. Они подались поближе к огню. Стояло начало сентября, и вместе с ночью в хижину прокрался холод.

– Так на чем я остановился? Ах да, вспомнил.

Руки Оливье еще крепче сжали теплую кружку.

– Эта страшная сила уничтожила все на своем пути. Старый Свет и Новый. Все исчезло. Кроме...

– Кроме?

– Осталась одна маленькая деревенька. Она расположена в уединенной долине, а потому страшная армия пока не заметила ее. Но она заметит. И когда это случится, их великий вождь встанет во главе армии. Он громаден. Выше любого дерева. Облачен в доспехи из камня, колючих ракушек и костей.

– Хаос.

Произнесенное шепотом слово растворилось в темноте, улеглось в уголке. И принялось ждать.

– Хаос. И фурии. Болезни, Голод, Отчаяние. Все они множатся. Рыщут. И никогда не остановятся. Никогда. Пока не найдут то, что ищут.

– То, что было похищено.

Отшельник кивнул с мрачным лицом. Он как будто видел бойню, разрушение. Видел мужчин, женщин, детей, спасающихся бегством от безжалостной, бездушной силы.

– Но что это такое было? Ради чего они готовы уничтожить все, лишь бы вернуть утраченное?

Оливье с трудом заставлял себя смотреть на грубое морщинистое лицо, а не стрелять глазами в темноту. В угол, где, как было известно им обоим, кое-что лежало в плохоньком полотняном мешочке. Но Отшельник словно прочел его мысли, и Оливье увидел на лице старика гаденькую ухмылку. Правда, она тут же исчезла.

– Его возвращения хочет не армия.

И тут они оба увидели то, что маячило за страшной армией. То, чего страшился даже Хаос. То, что гнало перед собой Отчаяние, Болезни, Голод. С единственной целью – чтобы они вернули похищенное у их хозяина.

– Это хуже бойни.

Они говорили тихими, едва слышными голосами. Словно заговорщики, чье дело уже проиграно.

– Когда армия найдет то, что ищет, она остановится. И отойдет в сторону. И тогда произойдет худшее, что можно себе представить.

Снова наступило молчание. И в этом молчании таилось худшее, что можно себе представить.

Снаружи завывала стая койотов. Они загнали в угол какого-то зверька.

«Миф это, и ничего другого, – успокоил себя Оливье. – Просто выдумки». Он снова посмотрел на угли и потому не увидел ужаса на лице Отшельника. Затем он взглянул на свои часы, наклонив циферблат к огню, пока тот не засветился отблесками оранжевого пламени и не сказал ему: пора. Половина третьего ночи.

– Хаос наступает, старичок, и его не остановить. На это ушло немало времени – но вот теперь он здесь.

Отшельник кивнул, его глаза повлажнели, заслезились, может, от дыма, может, от чего-то другого. Оливье откинулся назад и удивился, когда боль внезапно пронзила его тридцативосьмилетнее тело. И тут он понял, что просидел, напрягшись, в течение всего этого страшного рассказа.

– Извини. Час поздний, Габри будет беспокоиться. Мне пора идти.

– Уже?

Оливье встал, налил холодной свежей воды в эмалированную раковину и сполоснул свою чашку. Потом повернулся к хозяину.

– Я скоро приду снова, – сказал он с улыбкой.

– Дам-ка я тебе кое-что, – пробормотал Отшельник, оглядывая хижину.

Взгляд Оливье метнулся в угол, где лежал полотняный мешочек. Нераскрытый. Перевязанный бечевкой.

Отшельник хохотнул:

– Возможно, когда-нибудь, Оливье. Но не сегодня.

Он подошел к вырубленной топором каминной полке, взял с нее какой-то крошечный предмет и протянул его обаятельному светловолосому мужчине.

– Это за еду. – Он показал на консервные банки, сыр, молоко, кофе и хлеб на столе.

– Нет-нет, что ты. Мне это совсем нетрудно, – стал отказываться Оливье.

Но они оба не раз играли в эту игру и знали, что он возьмет маленький подарок.

– Merci,¹ – сказал Оливье, остановившись в дверях.

В лесу поднялась неистовая суматоха – это обреченный зверек попытался сбежать от своей судьбы, а койоты погнались за ним.

– Будь осторожен, – сказал старик, обведя быстрым взглядом ночное небо.

Прежде чем закрыть дверь, он прошептал одно-единственное слово, мгновенно поглощенное лесом. Оливье представил себе, как Отшельник крестится и шепчет молитвы, прислонившись к двери, прочной, но все же, наверное, недостаточно крепкой.

Он не мог понять, верит ли старик в эти истории о великой и страшной армии, возглавляемой Хаосом, который ведет за собой фурий. Армии неумолимой, всесокрушающей. Подступившей совсем близко.

А позади армии – что-то еще. Что-то такое, что и выразить нельзя.

И еще Оливье не мог понять, верит ли Отшельник в молитвы.

Он включил фонарик, пошарил в темноте лучом света. Вокруг стояли серые стволы деревьев. Оливье посветил фонариком туда-сюда в поисках узкой тропинки, бегущей через осенний лес. Найдя дорогу, он пошел быстрым шагом. И чем быстрее он шел, тем страшнее ему становилось, а чем страшнее ему становилось, тем быстрее он бежал, пока не начал спотыкаться, преследуемый темными словами среди темных деревьев.

Наконец деревья остались позади, и он, обессиленный, остановился и упер руки в согнутые колени, глотая ртом воздух. Потом медленно выпрямился и посмотрел на деревеньку, приютившуюся в долине.

Три Сосны спали – казалось, они спали всегда. Не знали, что происходит вокруг. А может быть, и чувствовали, но все равно предпочитали покой. В нескольких окнах светился огонек. В застенчивых старых домах были задернуты занавески. До Оливье донесся сладковатый запах первых осенних костров.

А в самом центре маленькой квебекской деревеньки стояли, как часовые, три громадные сосны.

Оливье был в безопасности. И тогда он ощупал карман.

Подарок. Крохотная плата. Он забыл ее взять.

Выругавшись, Оливье обернулся через плечо и взглянул на лес, сомкнувшийся за его спиной. И снова подумал о маленьком полотняном мешочке в углу хижины. О той штуке, которой дразнил его Отшельник. Которую обещал ему, которой водил перед его носом. О той вещи, которую спрятал прячущийся человек.

Оливье устал, был недоволен и зол на себя за то, что забыл подарок. И был зол на Отшельника за то, что тот не отдает ему той, другой вещи. Вещи, которую он давно заработал.

¹ Спасибо (фр.).

Он помедлил, потом повернулся и снова пошел в лес, чувствуя, как растет страх, подкармливая его злость. Постепенно он перешел на бег, сопровождаемый голосом, который звучал у него в ушах. Подгонял его.

«Хаос уже здесь, старичок».

Глава вторая

– Возьми трубку.

Габри натянул на голову одеяло и замер. Однако телефон продолжал звонить, а Оливье, спящий рядом с ним, ничего не слышал. Габри видел, что за окном моросит дождичек, и чувствовал, как сырость воскресного утра проникает в спальню. Но под пуховым одеялом было уютно и тепло, и он не имел ни малейших намерений вылезать оттуда.

Он толкнул Оливье:

– Просыпайся.

В ответ – только храп.

– Пожар!

По-прежнему никакой реакции.

– У нас Этель Мерман!²

Ничего. Господи боже, уж не умер ли он?

Габри наклонился над своим партнером, увидел чудесные редеющие волосы, разметавшиеся по подушке и по лицу. Спокойные глаза закрыты. Габри ощутил запах пота Оливье с мускусным привкусом. Скоро у них появится душ, и тогда они будут пахнуть мылом от «Проктер энд Гэмбл».

Телефон зазвонил снова.

– Это твоя мать, – прошептал Габри в ухо Оливье.

– Что?

– Звонит твоя мать – ответь.

Оливье сел, с трудом открыл глаза – в них стоял туман, будто он только что вышел из длинного туннеля.

– Моя мать? Но она давным-давно умерла.

– Если кто и мог бы восстать из мертвых, чтобы тебя оттрахать, то лишь она одна.

– Пока меня трахает ты.

– По твоему желанию. Возьми трубку.

Оливье протянул руку через гору, которая была его партнером, и взял трубку.

– Oui, allô?³

Габри снова зарылся в теплую кровать, скользнув взглядом по светящемуся циферблату часов: шесть сорок три. Воскресного утра. Длинного уик-энда Дня труда.

Кто, черт побери, может звонить в такой час?

Габри сел и посмотрел на лицо своего партнера, изучая его, как пассажир изучает лицо стюардессы при взлете. Не обеспокоено ли оно? Не испугано ли?

Он увидел, как меняется выражение лица Оливье: сначала немного озабоченное, потом недоуменное, а еще через мгновение светлые брови Оливье опустились, кровь отхлынула от его лица.

«Господи боже, – подумал Габри. – Мы пропали».

– Что там? – одними губами произнес он.

Оливье молча слушал. Но его красивое лицо красноречиво говорило за него. Произошло что-то ужасное.

– Что случилось? – прошипел Габри.

² Мерман Этель – американская актриса и певица, одна из самых знаменитых бродвейских актрис XX века.

³ Да, алло? (фр.)

* * *

Они неслись по деревенскому лугу, даже не запахнув плащи. Мирна Ландерс, сражавшаяся со своим громадным зонтиком, шла к ним навстречу, и все вместе они поспешили в бистро. С наступлением рассвета стало ясно, что мир серый и промозглый. За те несколько шагов, что они сделали, торопясь в бистро, волосы прилипли к их головам, плащи промокли. Но на сей раз и Оливье, и Габри было все равно. Они резко остановились рядом с Мирной перед кирпичным зданием.

– Я позвонила в полицию. Они вот-вот должны быть здесь, – сказала Мирна.

– Ты уверена? – Оливье уставился на свою подружку и соседку.

Она была крупная и округлая, а теперь еще и промокшая, несмотря на красный зонт, зеленоватый плащ и резиновые сапоги. Вид у нее был как у взорвавшегося пляжного мяча. Но при этом она никогда не выглядела серьезнее. И конечно, была уверена.

– Я вошла внутрь и проверила.

– О боже, – прошептал Габри. – Кто это?

– Не знаю.

– Как это не знаешь? – спросил Оливье.

Он прильнул к двустворчатому окну бистро, приставив тонкую руку козырьком ко лбу, чтобы загородиться от слабого утреннего света. Мирна держала над ним свой яркий красный зонт.

От дыхания Оливье стекло запотело, но прежде он увидел то, что видела Мирна. Внутри кто-то был. Лежал на старом сосновом полу. Лицом вверх.

– Что это? – спросил Габри, вытягивая шею, чтобы увидеть, что там, за его партнером.

Но лицо Оливье сказала ему все, что нужно было знать. Габри повернулся к крупной чернокожей женщине:

– Он мертв?

– Хуже.

«Что может быть хуже смерти?» – удивился он.

Настоящего доктора в деревне не было – только Мирна, которая прежде работала психотерапевтом в Монреале, пока множество печальных историй и избыток здравого смысла не заставили ее бросить это дело. Она затолкала вещи в машину, собираясь поехать месяц-другой, прежде чем осесть где-нибудь. Где угодно – лишь бы ей понравилось.

Она отъехала на час от Монреаля, остановилась в Трех Соснах, чтобы выпить кофе с молоком и съесть круассан в бистро, принадлежащем Оливье, да так и осталась тут навсегда. Она вытащила вещи из машины, арендовала соседнее помещение и квартиру над ним и открыла магазин старой книги.

Люди заходили к ней купить книгу и поболтать. Они приносили ей свои истории – кто в переплете, кто заученные наизусть. Некоторые из этих историй она принимала как настоящие, другие – как выдуманные. Но она читала их все, хотя покупала далеко не каждую.

– Мы должны войти, – сказал Оливье. – Чтобы никто не мог тронуть тело. Ты готов?

Габри стоял с закрытыми глазами, но теперь он снова открыл их и собрался.

– Я готов. Просто меня ошарашило. Судя по всему, это кто-то чужой.

И Мирна увидела на его лице то же облегчение, какое испытала она, войдя внутрь в первый раз. Грустная реальность состояла в том, что мертвый чужак гораздо лучше мертвого друга.

Один за другим они вошли в бистро, держась друг возле друга, словно мертвец мог протянуть руку и схватить одного из них. Медленно приблизившись к труп, они посмотрели вниз;

вода капала с их голов и носов на его поношенные одежды, собиралась лужицами на дощатом полу. Потом Мирна осторожно отодвинула их от края.

Именно так – на краю – и чувствовали себя оба мужчины. Утром праздничного уик-энда они пробудились в своей удобной кровати, в своем удобном доме, в своей удобной жизни и неожиданно обнаружили, что стоят на краю пропасти.

Все трое отвернулись, потеряв дар речи. И уставились друг на друга широко раскрытыми глазами.

В бистро лежал мертвец.

И не просто мертвец – хуже.

В ожидании полиции Габри приготовил кофе, а Мирна сняла плащ и села у окна, за которым рождался пасмурный сентябрьский день. Оливье растопил два камина по концам освещенного зала. Он принялся энергично шуровать кочергой в одном из каминов и вскоре почувствовал тепло огня на своей влажной одежде. Он весь словно занемел. И не только от холода.

Когда они стояли над мертвым телом, Габри пробормотал:

– Бедняга.

Мирна и Оливье кивнули, соглашаясь. Перед ними лежало тело пожилого человека в поношенной одежде, уставившего на них мертвый взгляд. У него было бледное лицо, удивленные глаза, приоткрытый рот.

Мирна показала на его затылок. Лужаца дождевой воды приобретала красный цвет. Габри пригнулся, чтобы увидеть получше, а Оливье не шелохнулся. Его поразил и ошарашил не проломленный затылок мертвеца, а другая сторона его головы. Лицо.

– Mon Dieu, Оливье, его убили. Боже мой.

Оливье продолжал смотреть в глаза покойника.

– Но кто он такой? – прошептал Габри.

Это был Отшельник. Мертвый. Убитый. В бистро.

– Не знаю, – сказал Оливье.

* * *

Вызов поступил к старшему инспектору Арману Гамашу, когда они с Рейн-Мари заканчивали мыть посуду после воскресного позднего завтрака. Из столовой их квартиры, расположенной в монреальском квартале Утремон, Гамаш слышал голоса своего заместителя Жана Ги Бовуара и своей дочери Анни. Они не разговаривали. Они никогда не разговаривали. Они спорили. В особенности если между ними не было такого амортизатора, как Энид, жена Жана Ги. Энид нужно было составить план школьных занятий, и она извинилась и на завтрак не пришла. А Жан Ги никогда не отвергал предложений бесплатно поесть. Даже если за это приходилось платить. А ценой всегда была Анни.

Началось все за свежавыжатым апельсиновым соком, продолжалось за яичницей и сыром, а после тянулось за свежими фруктами, круассанами и конфитюрами.

– Но как ты можешь оправдывать использование электрошокеров? – раздался из столовой голос Анни.

– Еще один превосходный завтрак, merci, Рейн-Мари, – сказал Дэвид, который принес тарелки из столовой, поставил их перед раковиной и поцеловал тещу в щеку.

Тридцатилетний Дэвид, мужчина среднего сложения с короткими редеющими темными волосами, был на несколько лет старше своей жены Анни, хотя нередко казался младше. Главной его чертой, как это часто ощущал Гамаш, была активность. Нет, не гиперактивность, а просто избыток жизненных сил. Он понравился старшему инспектору с самой первой минуты, когда его дочь пять лет назад познакомила их. В отличие от других молодых людей, которых Анни приводила в дом (в основном юристов, как и она сама), этот не пытался превзойти стар-

шего инспектора в брутальности. Такие игры Гамаша не интересовали. И не впечатляли. Что произвело на него впечатление, так это реакция Дэвида, когда тот впервые увидел Армана и Рейн-Мари Гамаш. Он широко улыбнулся – эта улыбка заполнила всю комнату – и просто сказал: «Bonjour».⁴

Он не походил ни на одного из прежних ухажеров Анни. Дэвид не занимался наукой, природа не наделила его атлетическим сложением, он не был поразительно красив. Ему не суждено было стать следующим премьером Квебека или даже хозяином собственной юридической фирмы.

Нет, Дэвид был просто открытым и добрым парнем.

Анни вышла за него замуж, и Арман Гамаш с радостью повел ее к алтарю, а Рейн-Мари шла с другой стороны их единственной дочери. С радостью наблюдали они обряд венчания этого хорошего парня с Анни.

Арман Гамаш прекрасно знал противоположность хорошему. Он знал, что такое жестокость, отчаяние, ужас. И он знал, какое это забытое и драгоценное качество – «хороший».

– Ты предпочитаешь, чтобы мы пристреливали подозреваемых? – Голос Бовуара в столовой зазвучал громче, приобрел другой оттенок.

– Спасибо, Дэвид, – сказала Рейн-Мари, забирая посуду.

Гамаш протянул зятю свежее полотенце, и они принялись вытирать тарелки, которые мыла Рейн-Мари. Дэвид повернулся к старшему инспектору:

– Как вы считаете, у «Абов»⁵ есть шансы выиграть кубок в этом году?

– Нет! – вскричала Анни. – Я надеюсь, что в полиции научатся арестовывать людей, не калеча и не убивая их. Я надеюсь, что в полиции научатся смотреть на подозреваемого как на подозреваемого, а не как на животное, которое можно побить, оглушить электрошокером, застрелить.

– Я думаю, шансы у них есть, – сказал Гамаш, взял две тарелки и одну передал Дэвиду. – Мне нравится их новый вратарь, а нападающие теперь вполне зрелые ребята. Этот год определенно их.

– Но их слабое место по-прежнему защита, верно? – спросила Рейн-Мари. – «Канадиенс» всегда отдают приоритет нападению.

– Попытайся-ка арестовать вооруженного преступника! Хотел бы я посмотреть, что у тебя получится! Ты, ты... – От возмущения Бовуару не хватало слов.

Разговор в кухне прекратился – все ждали, что скажет Бовуар. Этот спор происходил на каждом завтраке, на каждом Рождестве, Дне благодарения, на днях рождения. Лишь слова слегка менялись. Анни и Бовуар спорили всегда, если не о тазерах,⁶ то о медицинской помощи, об образовании, об экологии. Если Анни говорила «синее», то Бовуар – «оранжевое». Так повелось с тех самых пор, когда инспектор Бовуар двенадцать лет назад поступил работать под начало Гамаша в отдел по расследованию убийств Квебекской полиции. Он стал членом команды и членом семьи.

– И что я?

– Ты – жалкий образчик правозащитной чуши!

Рейн-Мари махнула рукой в сторону двери, ведущей из кухни на маленький металлический балкон и пожарную лестницу:

– Не пора ли?

⁴ Добрый день (*фр.*).

⁵ Хоккейный клуб «Монреаль канадиенс» в среде болельщиков-французов называется «Habs», от французского «les habitants», как называли поселенцев французского происхождения.

⁶ *Тазер* – специальное оружие типа электрошокера, используемое полицией.

– Спасаться бегством? – прошептал Гамаш, надеясь, что она это серьезно, но подозревая, что нет.

– Может, вам попытаться их пристрелить, Арман? – спросил Дэвид.

– Боюсь, у Жана Ги реакция побыстрее моей будет, – отказался старший инспектор. – Он пристрелит меня первый.

– И все же попытаться стоит, – заметила его жена.

– Жалкий образчик правозащитной чуши? – переспросила Анни голосом, исполненным отвращения. – Отлично. Фашистский debil!

– Пожалуй, я мог бы воспользоваться тазером, – сказал Гамаш.

– Фашистский? Фашистский? – Голос Жана Ги срывался на писк.

В кухне немецкая овчарка Гамаша по кличке Анри проснулась, села и наклонила голову. У Анри были огромные глаза, и Гамашу нравилось думать, что у него не чистокровный пес, а помесь овчарки и спутниковой тарелки.

– Ох-ох, – сказал Дэвид.

Анри свернулся калачиком на своей подстилке, и, судя по виду Дэвида, он сделал бы то же самое, если бы мог. Все трое задумчиво уставились через окно на улицу, где хмурилось сентябрьское утро. В Монреале в этот уик-энд отмечали День труда. Анни произнесла что-то неразборчивое. Но ответ Бовуара был абсолютно ясен:

– Иди в задницу!

– Ну, пожалуй, на сегодня диспут закончен, – сказала Рейн-Мари. – Еще кофе? – Она показала на кофемашину.

– Non, pas pour moi, merci,⁷ – с улыбкой ответил Дэвид. – И Анни тоже больше не наливать.

– Глупая женщина, – пробормотал Жан Ги, входя в кухню. Он схватил полотенце с крючка и принялся яростно вытирать тарелку (Гамаш даже подумал, что цветочного рисунка на ней они больше никогда не увидят). – Признайтесь, вы ее удочерили.

– Нет, изготовили в домашних условиях. – Следующую тарелку Рейн-Мари протянула мужу.

Темная голова Анни на секунду появилась в кухне:

– Сам иди в задницу! – и исчезла.

– Господи помилуй! – сказала Рейн-Мари.

Из двоих детей Гамашей на отца больше походил Даниель. Крупный, задумчивый, усердный. Он был добрым, нежным и сильным. Когда родилась Анни, Рейн-Мари вполне естественно надеялась, что этот ребенок будет похож на нее – добрую, умную, яркую. Одержимая любовью к книгам Рейн-Мари Гамаш работала библиотекарем в Национальной библиотеке Монреаля.

Но Анни удивила их обоих. Она была сообразительной, склонной к соперничеству, веселой. Если она делала что-то, то отдавалась этому всей душой.

Они должны были предвидеть это. Когда она была еще совсем младенцем, Гамаш брал ее в свои бесконечные поездки на автомобиле и пытался успокаивать плачущую малышку, напевая своим низким баритоном песни «Битлз», Жака Бреля. «La Complainte du phoque en Alaska»⁸ группы «Beau Dommage».⁹ Это была берущая за душу баллада, и Даниель любил ее больше всего. Но на Анни она не действовала.

⁷ Что касается меня, то я – пас, спасибо (фр.).

⁸ «Плач аляскинского тюленя» (фр.).

⁹ Канадский рок-ансамбль из Монреаля, пик популярности в Квебеке и Франции приходится на 1970-е годы.

Однажды, когда Гамаш засунул орущее дитя в машину, пристегнул и включил зажигание, в кассетнике у него заиграла стоявшая там старая пленка «Weavers».¹⁰

Они запели фальцетом, и девочка успокоилась.

Поначалу это казалось каким-то чудом. Но после сотого круга по кварталу, когда девочка смеялась под пение «Weavers», голосивших «Уимове, Уимове»,¹¹ Гамаш затосковал о прежних деньках и сам готов был завопить. Однако пение продолжалось, и маленькая львица уснула.

Анни Гамаш стала их львенком. А выросла львицей. Но иногда во время тихих совместных прогулок она рассказывала отцу о страхах, разочарованиях и ежедневных печалях своей молодой жизни. И старшего инспектора Гамаша охватывало желание обнять дочку, прижать ее к себе, чтобы хоть в эту минуту ей не нужно было изображать отвагу.

Из-за своих страхов она и была такой непримиримой. А боялась она всего.

Весь остальной мир видел сильную, благородную львицу, а старший инспектор, глядя на свою дочь, видел Берта Лара,¹² хотя никогда не говорил ей об этом. Ни ей, ни ее мужу.

– Мы можем поговорить? – спросила Анни у отца, не обращая внимания на Бовуара.

Гамаш кивнул и передал полотенце Дэвиду. Они прошли по коридору в гостиную, где книги ровными рядами стояли на полках и не столь ровными стопками – под столами и рядом с диваном. На кофейном столике лежали газеты «Ле деувар» и «Нью-Йорк таймс», в камине неторопливо горел огонек мягким, жидким пламенем ранней осени. Время ревущего пламени морозной зимы еще не наступило.

Несколько минут они разговаривали о Даниеле, живущем в Париже с женой и дочерью. И еще одной дочерью, чье появление ожидалось до конца месяца. Они поговорили о муже Анни, Дэвиде, и о его хоккейной команде, которой предстоял новый зимний сезон.

Гамаш в основном слушал. Он не знал, хочет ли Анни сказать ему что-то конкретное или просто поболтать. В комнату притрусил Анри и положил голову на колени Анни. К восторгу пса, она потрепала его за уши, после чего он удалился к камину и улегся перед огнем.

В этот момент зазвонил телефон. Гамаш проигнорировал его.

– Это, кажется, тот, что в твоём кабинете, – сказала Анни.

Она видела этот телефон, стоящий на старом деревянном столе рядом с компьютером и ноутбуком в заполненной книгами комнате с тремя стульями, где пахло сандаловым деревом и розовой водой.

Когда-то они с Даниелем садились на вращающиеся стулья и крутили друг друга чуть ли не до тошноты. А их отец неподвижно сидел в это время в своем кресле и читал. А иногда просто смотрел.

– Я тоже так думаю.

Телефон зазвонил снова. Они хорошо знали этот звук. Он чем-то отличался от звона других телефонов. Его звук извещал о смерти.

У Анни был смущенный вид.

– Ничего, подождет, – спокойно произнес Гамаш. – Ты ведь хотела что-то мне сказать?

В комнату заглянул Жан Ги:

– Ответить? – Он улыбнулся Анни, но тут же перевел взгляд на старшего инспектора.

– Будь добр. Я подойду через минуту.

Гамаш повернулся к дочери, но тут в гостиную вошел Дэвид, и Анни снова надела маску, которую носила на людях. Эта маска не слишком отличалась от той, что она носила дома. Разве

¹⁰ Американская группа фолк-музыки из Нью-Йорка.

¹¹ «Сегодня ночью лев спит», песенка, известная также как «Уимба уей», или «Уимове, уимове», написана южноафриканским певцом зулусского происхождения в 1920-е годы. Названия «Уимба Уей», «Уимове, Уимове» являются искаженным зулусским словом «мбубе» – «лев».

¹² Лар Берг – американский комик, известен более всего как исполнитель роли Трусливого Льва в фильме «Волшебник страны Оз».

что выражение уязвимости было менее заметно. И у ее отца промелькнула мысль: зачем ей понадобилась эта маска в присутствии мужа?

– Произошло убийство, сэр, – прошептал инспектор Бовуар, остановившись в дверях.

– Oui, – сказал Гамаш, глядя на дочь.

– Иди, папа. – Она махнула рукой, не прогоняя его, а освобождая от необходимости выслушать ее.

– Придется идти. Ты не хочешь прогуляться?

– Там льет как из ведра, – со смешком сказал Дэвид.

Гамаш искренне любил своего зятя, но иногда тот мог бы проявлять больше чуткости.

Анни тоже рассмеялась:

– Нет, папа, правда, в такую погоду даже Анри не стал бы гулять.

Анри вскочил и побежал за своим мячиком. Два произнесенных одно за другим знаковых слова «Анри» и «гулять» произвели ожидаемое действие: сработал непреодолимый собачий инстинкт.

– Ну что ж, – сказал Гамаш, когда немецкая овчарка прыжком вернулась в комнату. – Мне нужно на работу.

Он выразительно посмотрел на Анни и Дэвида, потом на собаку. Смысл его взгляда не ускользнул даже от Дэвида.

– О боже, – добродушно проговорил тот и, встав с мягкого дивана, отправился вместе с Анни на поиски поводка и ошейника Анри.

* * *

К тому времени как старший инспектор Гамаш и инспектор Бовуар прибыли в Три Сосны, местная полиция уже перекрыла доступ в бистро, и местные жители толклись рядом под зонтиками, глаза на старое кирпичное здание – место проведения стольких торжеств и вечеринок. Теперь оно стало местом преступления.

Когда Бовуар выехал на дорогу, ведущую под уклон в деревню, Гамаш попросил его остановиться.

– Что-то случилось? – спросил инспектор.

– Просто хочу посмотреть.

Сидя в теплой машине, двое мужчин под неторопливые взмахи дворников разглядывали деревню. Перед ними был деревенский луг с прудом и скамьей, клумбами роз и гортензий, поздноцветущих флоксов и алтея. А в конце луга, соединяя его и деревню, стояли три высокие сосны.

Гамаш обвел взглядом дома, приютившиеся в долине. Тут были траченные временем, обшитые вагонкой коттеджи с широкими крылечками и плетеными стульями. Тут были сложенные из плитняка домишки, построенные столетия назад первыми поселенцами, которые расчистили эту землю и извлекли из нее этот камень. Но большинство домов в долине были из розового кирпича, их построили лоялисты,¹³ бежавшие сюда после Американской революции. Три Сосны располагались всего в нескольких километрах от границы с Вермонтом, и если теперь отношения со Штатами стали дружественными и близкими, то в давние времена их трудно было назвать таковыми. Люди, основавшие деревню, пребывали в отчаянии и искали убежище, прячась от войны, цели которой были так от них далеки.

Старший инспектор скользнул взглядом по рю Дю-Мулен и там, на склоне холма на краю деревни, увидел маленькую белую англиканскую церковь Святого Томаса.

¹³ Лоялисты – сторонники единой империи, жители британских колоний в Северной Америке, занявшие во время американской Войны за независимость (1775–1783) сторону английской короны. Многие из них покинули колонии и осели в Канаде.

Гамаш снова перевел взгляд на небольшую толпу, стоящую под зонтиками, – люди разговаривали, показывали пальцами, смотрели. Бистро Оливье находилось ровно в середине полукружья магазинов, каждый из которых соседствовал со следующим. Гастроном, принадлежащий месье Беливо, пекарня Сары, бистро Оливье и, наконец, магазин новой и старой книги Мирны.

– Поехали, – сказал Гамаш.

Бовуар ждал этого слова, и машина медленно тронулась с места. К сбившимся в кучку подозреваемым, к убийце.

Но один из первых уроков, усвоенных Бовуаром от старшего инспектора, когда он поступил в отдел по расследованию убийств Квебекской полиции, состоял в том, что для поимки убийцы не следует идти вперед: нужно двигаться назад, в прошлое. Именно там начиналось преступление, там родился убийца. Какое-то событие, возможно давно забытое всеми остальными, укоренилось в памяти убийцы и с тех пор не давало ему покоя.

То, что убивает, невидимо, предупреждал Бовуара старший инспектор. Поэтому-то оно так опасно. Это не пистолет, не нож и не кулак. Его наступления нельзя увидеть. Это эмоция. Отвратительная, тошнотворная. Она только и ждет минуты, когда можно будет нанести удар.

Машина медленно подъехала к бистро, к телу.

– Mercі, – сказал Гамаш спустя минуту, когда местный полицейский открыл ему дверь бистро.

Молодой человек хотел было остановить чужака, но что-то ему помешало.

Бовуару нравилась неизменная реакция местных копов, которых неожиданно осеняло, что этот крупный человек пятидесяти с небольшим лет не просто любопытствующий обыватель. Молодым полицейским Гамаш напоминал их отцов. В нем была какая-то вежливость. Он всегда носил костюм или пиджак с галстуком и серые фланелевые брюки, как сегодня.

Бросались в глаза его усы, аккуратно подстриженные и с сединой. В его темных, чуть выющихся около ушей волосах тоже начала появляться седина. В такие дождливые дни, как сегодня, старший инспектор надевал шляпу, которую снимал, входя в дом, и тогда молодые полицейские видели его лысеющий затылок. А если этого было недостаточно, они заглядывали в глаза Гамаша. Все это делали. Глаза были темно-карие, задумчивые, умные. И в них присутствовало еще какое-то качество, отличавшее знаменитого главу отдела по расследованию убийств Квебекской полиции от других старших офицеров.

Глаза у него были добрые.

Бовуар знал, что в этом состоит его сила и его слабость.

Гамаш улыбнулся удивленному полицейскому, оказавшемуся лицом к лицу с самым знаменитым копом Квебека. Он протянул руку, и молодой полицейский после нескольких мгновений растерянности пожал ее.

– Patron,¹⁴ – произнес он.

– О, я так надеялся, что приедете именно вы! – Из другого конца зала, мимо полицейских, склонившихся над телом, к Гамашу спешил Габри. – Мы спрашивали, не прийдет ли полиция именно вас, но, очевидно, подозреваемые не могут выбирать сыщика по своему хотению. – Он обнял старшего инспектора и повернулся лицом к помещению, заполненному полицейскими. – Ну вот видите, я его знаю. – Он прошептал Гамашу: – Я думаю, нам лучше не целоваться.

– Мудрое решение.

У Габри был усталый, измученный, но собранный вид. Волосы растрепаны, впрочем, такое с ним случалось довольно часто. За его спиной стоял Оливье, тихий, почти незаметный. Он тоже был растрепан, хотя прежде за ним такого не замечалось. Вид у него был изможденный, под глазами синяки.

¹⁴ Здесь: шеф, начальник (фр.).

– Коронер сейчас будет, старший инспектор. – Агент Изабель Лакост подошла к нему поздороваться. Она была одета в простую юбку и легкий свитер, умудряясь при этом выглядеть стильной. Как и большинство квебекцев, она была миниатюрной и уверенной. – А вот и доктор Харрис.

Они посмотрели в окно и увидели, что толпа расступилась, пропуская женщину с медицинским саквояжем. В отличие от агента Лакост доктор Харрис умудрялась носить простую юбку и свитер так, что они выглядели немного безвкусно. Но доктор Харрис чувствовала себя в них удобно. А в такой промозглый день, как сегодня, «удобно» означало «очень привлекательно».

– Хорошо, – сказал старший инспектор, поворачиваясь к агенту Лакост. – Итак, что нам известно?

Лакост подвела Гамаша и инспектора Бовуара к телу. Они опустились на колени – это действие и ритуал они проделывали не одну сотню раз. Это был удивительно человеческий жест. Они не прикоснулись к телу, но склонились очень близко к нему, так близко, как бывали разве что с родней.

– Убитого ударили сзади по голове тупым предметом. Чем-то чистым, твердым и узким.

– Кочергой? – спросил Бовуар, кинув взгляд на камин, растопленный Оливье.

Гамаш тоже посмотрел в ту сторону. Утро стояло сырое, но вовсе не холодное. Растапливать камин не было нужды. Возможно, его растопили скорее для уюта, чем для тепла.

– Если это сделали кочергой, то она была чистой. Коронер, конечно, исследует этот вопрос досконально, но в ране нет очевидных следов грязи, сажи, дерева – ничего такого.

Слушая агента Лакост, Гамаш смотрел на дыру в голове убитого.

– Значит, оружие убийства не найдено? – спросил Бовуар.

– Пока нет. Мы, конечно, ищем.

– Кто он такой?

– Мы не знаем.

Гамаш оторвал взгляд от раны и посмотрел на Лакост, но ничего не сказал.

– Документов при нем никаких нет, – продолжала она. – Мы проверили все его карманы – безрезультатно. Даже носового платка нет. И никто, похоже, его не знает. Это белый мужчина лет семидесяти пяти. Худой, но не из-за плохого питания. Рост пять футов семь дюймов, может быть, пять и восемь.

Несколько лет назад, когда агент Лакост только поступила в отдел по расследованию убийств, ей казалось странным говорить о таких вещах – старший инспектор и сам прекрасно это видел. Но он учил их всех делать это, и она делала. И лишь несколько лет спустя, когда она уже сама шефствовала над новичками, ей стала очевидна ценность такого упражнения.

Благодаря ему они оба убеждались, что видят одно и то же. Полицейские подвержены ошибкам и субъективны в той же мере, что и все остальные. Они могли не заметить чего-то, неверно интерпретировать увиденное. А такое проговаривание снижало эту вероятность.

– В руках у него ничего нет. И под ногтями тоже, кажется, ничего. Никаких синяков. Никаких видимых следов борьбы.

Они поднялись с колен.

– Состояние помещения подтверждает это.

Они огляделись.

Все на своих местах, ничто не перевернуто. Всюду чистота и порядок.

Это помещение располагало к покою. Камин по обоим концам освещенного быстро делали атмосферу не такой мрачной. Свет отражался от полированных досок пола, потемневших под воздействием времени и фермерских подошв.

Перед каждым из каминов стояли диваны и удобные кресла с подвыцветшей обивкой. Вокруг темных деревянных столов были расставлены старые стулья. Перед двустворчатыми

эркерными окнами три или четыре глубоких кресла ждали, когда в них сядут посетители с горячим кофе с молоком и круассанами, или с виски, или с бургундским вином. Гамаш подозревал, что люди, толкущиеся под дождем, не отказались бы от горячительного стаканчика. Он подумал, что Оливье и Габри наверняка не отказались бы.

Старший инспектор Гамаш и его команда много раз бывали в этом бистро, с удовольствием ели перед ревушим камином зимой или попивали холодные напитки на террасе летом. И почти всегда говорили об убийствах. Но прежде ни разу перед ними не было мертвого тела.

К ним подошла Шарон Харрис, сняла свой дождевик, улыбнулась агенту Лакост, торжественно обменялась рукопожатием со старшим инспектором.

– Доктор Харрис, – сказал он, слегка кивнув, – прошу прощения, что пришлось потревожить вас в этот долгий уик-энд.

Она сидела дома, переключала телевизионные каналы, пытаясь найти хоть кого-нибудь, кто бы не учил ее жить, и тут зазвонил телефон. Этот звонок был как дар божий. Но теперь, глядя на мертвое тело, она понимала, что к Богу это не имело никакого отношения.

– Я оставляю вас здесь, – сказал Гамаш.

Через окно он видел местных жителей – они все еще толпились там, ждали новостей. Высокий красивый седой человек наклонился, чтобы слышать, что говорит невысокая женщина с всклокоченными волосами. Питер и Клара Морроу – местные жители и художники. Рядом с ними стояла прямая как жердь Рут Зардо, глядя в окно немигающими глазами, а при ней – ее утка, довольно надменное, судя по виду, существо. Непромокаемая шапка на Рут сверкала от влаги. Клара что-то сказала ей, но Рут ее проигнорировала. Гамаш знал, что Рут Зардо – злобная старая ведьма, любящая выпить. К тому же она была его любимым поэтом. Клара заговорила снова, и на сей раз Рут прореагировала. Даже через стекло Гамаш знал, что она сказала: «Пошла ты в жопу».

Гамаш улыбнулся. Тело в бистро явно было чем-то необычным, но все остальное не менялось.

– Старший инспектор.

Его приветствовал знакомый низкий певучий голос. Он повернулся и увидел Мирну Ландерс, которая шла к нему через комнату, шаркая по полу ядовито-желтыми сапогами. В сапоги были заправлены розовые тренировочные штаны.

Она была цветной женщиной во всех смыслах этого слова.

– Мирна. – Гамаш улыбнулся и поцеловал ее в обе щеки, вызвав недоуменные взгляды со стороны местных полицейских, которые никак не ждали, что старший инспектор будет целоваться с подозреваемыми. – Почему вы здесь, когда все остальные – там? – Он махнул в сторону окна.

– Это я его нашла, – ответила она, помрачнев.

– Вот как? Мне жаль. Представляю, какой это был шок. – Он подвел ее к креслу у огня. – Насколько я понимаю, вы уже сделали соответствующее заявление?

Она кивнула:

– Да. Агенту Лакост. Хотя сказать особо мне было не о чем.

– Хотите кофе или чашечку доброго чая?

Мирна улыбнулась. Именно она довольно часто предлагала ему и то и другое. Предлагала всем налить из чайника, который булькал на ее дровяной плите. А теперь то же самое предлагали ей. И она почувствовала, насколько это ласкает душу.

– Чая, будьте добры.

Пока она согревалась у огня, старший инспектор Гамаш направился к Габри попросить чайник, потом вернулся. Он сел в кресло, откинулся на спинку.

– Так что случилось?

– Каждое утро я выхожу на долгую прогулку.

– Это что-то новенькое? Не знал раньше, что вы этим занимаетесь.

– Да, новенькое. С весны. После пятидесяти я решила поддерживать форму. – Она улыбнулась во весь рот. – Или, по крайней мере, другую форму. В смысле, скорее форму груши, чем яблока. – Она похлопала себя по животу. – Хотя подозреваю, что по природе я целый фруктовый сад.

– Что может быть лучше фруктового сада? – Гамаш улыбнулся и опустил глаза на собственный живот. – Про меня тоже нельзя сказать, что я похож на молодое деревце. И когда вы встаете?

– Ставлю будильник на шесть тридцать, еще через пятнадцать минут выхожу из дома. Сегодня утром я вышла и сразу увидела, что дверь у Оливье приоткрыта. Ну, я вошла, окликнула его. Обычно по воскресеньям Оливье открывается позже, поэтому я и удивилась.

– Но не забеспокоились.

– Нет. – Этот вопрос ее озадачил. – Я уже собиралась уходить, когда увидела его.

Мирна сидела спиной к залу, и Гамаш не стал искать взглядом тело. Напротив, он посмотрел прямо в глаза Мирне и молча кивнул, побуждая ее сказать больше.

Габри принес чай, и, хотя было ясно, что он не прочь остаться и послушать, он в отличие от зятя Гамаша, Дэвида, чутьем уловил идущие от этой пары сигналы и ретировался, поставив на стол две фарфоровые чашки, блюдца, молоко, сахар и вазочку с имбирным печеньем.

– Поначалу я решила, что это груда скатертей, оставленная официантами с прошлого вечера, – сказала Мирна, когда Габри отошел достаточно далеко и не мог их слышать. – Большинство из них такие молодые – никогда не знаешь, чего от них ожидать. Но потом присмотрелась и вижу: это тело.

– Тело?

Именно так люди говорят о мертвеце, а не о живом человеке.

– Я сразу же поняла, что он мертв. Знаете, навидалась мертвецов.

Гамаш знал.

– Он был точно в таком виде, как сейчас. – Мирна замолчала, глядя, как Гамаш разливает чай, показала, что хочет молоко и сахар, и приняла чашку вместе с печеньем. – Я подошла к нему близко, но не прикасалась. Не думала, что его убили. По крайней мере, поначалу не думала.

– А что вы подумали? – Гамаш держал чашку в своих больших руках. Чай был крепкий и ароматный.

– Что у него случился удар или инфаркт. Судя по выражению лица, что-то неожиданное. Лицо было удивленным, но не испуганным или искаженным от боли.

Гамаш подумал, что описание довольно точное. Смерть застала этого человека врасплох. Но так случается с большинством людей, даже если ты стар и немощен. Почти никто по-настоящему не предвидит свою смерть.

– Потом я увидела его голову.

Гамаш кивнул. Не заметить это было трудно. Не голову, а то, что с ней что-то не так.

– Вы его знаете?

– Никогда не видела. А мне кажется, такие лица запоминаются.

Гамаш не мог с этим не согласиться. Убитый был похож на бродягу. На таких вполне можно не обращать внимания, но забываются они с трудом. Арман Гамаш поставил хрупкую чашечку на хрупкое блюдце. Он не переставал искать ответ на тот вопрос, который возник у него в ту самую минуту, когда ему позвонили и сообщили об убийстве в бистро Трех Сосен.

Почему именно здесь?

Он кинул взгляд на Оливье, разговаривающего с инспектором Бовуаром и агентом Лакост. Оливье был спокоен и сдержан. Но он не мог не чувствовать, как все это выглядит.

– Что вы сделали после этого?

– Позвонила девять-один-один, потом – Оливье. Вышла на улицу и стала их ждать. Она описала все, что происходило вплоть до прибытия полиции.

– Merci, – сказал Гамаш и поднялся.

Мирна взяла свой чай и присоединилась к Оливье и Габри в другом углу комнаты. Они стояли рядом перед камином.

Все в зале знали, кто здесь трое главных подозреваемых. То есть все, кроме самих подозреваемых.

Глава третья

Доктор Шарон Харрис поднялась, разгладила на себе юбку и слабо улыбнулась старшему инспектору.

– Не высшее общество, – сказала она.

Гамаш посмотрел на мертвеца.

– Он похож на бродягу, – заметил Бовуар, наклоняясь и разглядывая одежду убитого.

Она была вся разнотипная и поношенная.

– Вероятно, ему досталось в жизни, – сказала Лакост.

Гамаш присел и еще раз взгляделся в лицо убитого. Оно было грубое, морщинистое. Лицо, на котором оставили отпечаток все стихии: солнце, ветер, мороз. Все сезоны. Гамаш легонько провел большим пальцем по щеке мертвеца – она оказалась на удивление чисто выбритой, но то, что могло вырасти, было бы седым. Волосы мертвеца были белыми и подстриженными кое-как – выхвачено то здесь, то там.

Гамаш приподнял одну из рук убитого, словно чтобы утешить его. Мгновение он держал ее, потом повернул ладонью вверх и медленно потер своей ладонью о ладонь мертвеца.

– Кем бы он ни был, мозоли на ладонях натер. Большинство бродяг не работают.

Гамаш неторопливо покачал головой. «Так кто же ты такой? И как здесь оказался? В бистро, в этой деревне? В деревне, о существовании которой почти никто знает. А еще меньшее число людей находит ее. Но ты ее нашел, – подумал Гамаш, не выпуская холодной руки мертвеца. – Ты нашел эту деревню и нашел смерть».

– Он мертв часов шесть – десять, – сказала доктор. – Его убили после полуночи, но не позже четырех или пяти часов утра.

Гамаш посмотрел на затылок мертвеца, на рану, которая его убила.

Она была ужасна и, похоже, нанесена чем-то очень твердым. И очень разозленным человеком. Только злость могла объяснить удар такой силы. Силы, сокрушившей кости черепа. И то, что они защищают.

Все, что делало этого человека тем, кем он был, находилось в его голове. Кто-то покончил с этим одним жестоким, решительным ударом.

– Крови почти нет.

Гамаш поднялся, посмотрел, как работают криминалисты, отыскивающие улики в довольно большом зале. Порядок здесь был нарушен. Сначала убийством, потом – ими. Незваными гостями.

Оливье стоял у огня, грелся.

– Тут есть одна проблема, – сказала доктор Харрис. – Обычно ранения головы сопровождаются обильным кровотечением. Здесь должно быть больше крови. Гораздо больше.

– Наверное, ее смыли, – предположил Бовуар.

Шарон Харрис снова склонилась над раной, затем выпрямилась:

– При такой силе удара кровотечение могло быть обильным и внутренним. А смерть – почти мгновенной.

Это была наилучшая из новостей, какие Гамаш когда-либо слышал на месте убийства. Смириться со смертью было хоть и трудно, но возможно. Даже с убийством. Страдания – вот что было для него неприемлемым. А он видел много страданий. И страшных убийств. Облегчением было узнать, что человек умер мгновенно и без страданий. Вот она, чуть ли не гуманная смерть.

Как-то раз он слышал сказанную одним судьей фразу о том, что самый гуманный способ казнить преступника – это сказать ему, что он свободен. А потом убить.

Гамаш возражал против этого, спорил, протестовал. Но, исчерпав все аргументы, вынужден был согласиться.

Глядя на лицо этого мертвеца, он видел, что тот умер без страданий. А поскольку удар был нанесен сзади, то он даже и не предвидел его.

Это почти как смерть во сне.

Но не совсем.

* * *

Тело уложили в мешок и увезли. Люди на улице мрачно расступились, образовав проход. Мужчины отряхивали воду с шапок, женщины стояли печальные, плотно сжав губы.

Гамаш отвернулся от окна и присоединился к Бовуару, который сидел с Оливье, Габри и Мирной. Бригада криминалистов переместилась в подсобные помещения быстро, в частную столовую, комнату для персонала, кухню. Главный зал почти обрел свой обычный вид. Если не считать вопросов, висевших в воздухе.

– Я сожалею о том, что произошло, – сказал Гамаш, обращаясь к Оливье. – Как вы себя чувствуете?

Оливье тяжело вздохнул. Вид у него был измотанный.

– Мне все еще не по себе. Кто он был? Вы не знаете?

– Нет, – ответил Бовуар. – Никто не докладывал о появлении какого-нибудь незнакомого человека в деревне?

– Докладывал? – переспросил Оливье. – Кому?

Все трое обратили недоуменные взоры на Бовуара. Инспектор забыл, что в Трех Соснах собственного полицейского отделения не было, как не было светофоров, тротуаров или мэра. Добровольную пожарную команду возглавляла слабоумная старая поэтесса Рут Зардо, и большинство жителей предпочли бы погибнуть в огне, чем вызвать ее.

Да тут и преступлений-то не совершалось. Кроме убийств. Единственные преступления, случавшиеся в этой деревне, были и самыми тяжкими из всех возможных.

И вот перед ними еще одно тело. У остальных хотя бы имена имелись. А это словно свалилось с небес и упало им на голову.

– Летом немного труднее, – сказала Мирна, садясь на диван. – У нас больше посетителей. На каникулы приезжают семьи, дети возвращаются из школы. Это последний долгий уик-энд. А потом все разъезжаются по домам.

– Уик-энд ярмарки в округе Брум, – уточнил Габри. – Она заканчивается завтра.

– Верно, – сказал Бовуар, которого ярмарки ничуть не интересовали. – Значит, Три Сосны после этого уик-энда опустеют. Но приезжие, о которых вы говорите, – это друзья и родственники?

– По большей части, – сказала Мирна, поворачиваясь к Габри. – В твоей гостиничке ведь останавливаются незнакомые люди, верно?

Он кивнул:

– У меня тут яблоку негде упасть, когда дома у людей переполнены.

– Я вот что хочу понять, – раздраженно проговорил Бовуар. – Те люди, которые приезжают в Три Сосны, они на самом деле посторонние или нет? Объясните мне, бога ради, не через задницу.

– Не через задницу – это не наша специализация. Прошу прощения, – сказал Габри.

Его слова вызвали улыбку даже на усталом лице Оливье.

– Я слышала что-то о каком-то постороннем, но не придавала этому значения, – сказала Мирна.

– И кто это говорил?

– Рор Парра, – неохотно ответила она. Это немного походило на наушничество, и всем стало явно не по себе. – Я слышала, как он говорил Старiku Мюндену и Жене, что видел кого-то в лесу.

Бовуар записал это. Он не в первый раз слышал о Парра. Это была известная чешская семья. Но кто такие Старик Мюнден и Жена? Видимо, какая-то шутка. Бовуар поджал губы и строго посмотрел на Мирну. Ее взгляд тоже был строг.

– Да-да, – сказала Мирна, читая его мысли, что было не трудно. Их бы и чайник прочел. – Именно так их и зовут.

– Старик и Жена? – повторил Бовуар, уже не злясь, а немного озадаченно.

Мирна кивнула.

– А их настоящие имена?

– Это и есть настоящие, – ответил Оливье. – Старик и Жена.

– Ну хорошо, Старик еще куда ни шло. Но как можно назвать новорожденного младенца – Жена? Уму непостижимо!

Мирна улыбнулась:

– Вы правы. Просто я так привыкла к этим именам, что даже не задумывалась. Я понятия не имею, как ее зовут по-настоящему.

Бовуар подумал: это какой же степени убогости нужно достичь, чтобы позволять называть себя Жена! Впрочем, в этом было что-то библейское, старозаветное.

Габри поставил на столик пиво, лимонад и две вазочки с орешками. Жители, стоявшие снаружи, наконец разошлись по домам. День был мрачный и сырой, но внутри царили тепло и уют. Сидя здесь, можно даже было забыть о причине, которая привела их всех сюда. Криминалисты словно растворились в стенах, об их присутствии говорили лишь раздававшийся изредка скрежет и невнятное бормотание. Они как будто превратились в грызунов или призраков. Или детективов из отдела по расследованию убийств.

– Расскажите нам о событиях прошлого вечера, – предложил старший инспектор Гамаш.

– Это было какое-то безумие, – откликнулся Габри. – Последний долгий уик-энд лета, так что все сюда пришли. Большинство днем ездили на ярмарку, а потому устали. Не хотели стоять у плиты. В уик-энд Дня труда всегда так. Мы были готовы.

– И что это значит? – спросила агент Лакост, присоединившаяся к ним.

– Я нанял дополнительный персонал, – пояснил Оливье. – Но все прошло гладко. Люди неплохо отдохнули, и мы закрылись вовремя. Около часа ночи.

– Что было потом? – спросила Лакост.

Большинство расследований тяжких преступлений кажутся сложными, но на самом деле довольно просты. Иногда достаточно лишь снова и снова задавать вопрос «Что было потом?». Не помешает и хорошо слушать ответы.

– Обычно я снимаю кассу и оставляю ночной персонал, чтобы они навели порядок, но по субботам дела обстоят иначе, – сказал Оливье. – После закрытия приходит Старик Мюнден, приносит то, что отремонтировал за неделю, и забирает мебель, которую за это время успели сломать. Это происходит довольно быстро, пока официанты и кухонный персонал приводят все в порядок.

– Постойте, – перебил его Бовуар, – Мюнден делает это в полночь по субботам? А почему не утром в воскресенье? Или в любое другое разумное время? Почему поздно ночью?

Ему это показалось подозрительным, а Бовуар с сомнением относился ко всему тайному и скрытому.

Оливье пожал плечами:

– По привычке, я думаю. Когда он взялся за эту работу, у него еще не было Жены, поэтому вечерами в субботу он ошивался у нас. А когда мы закрывались, он забирал поломанную мебель. Мы не видели причин менять что-то.

В деревне, где почти ничто не менялось, это имело резон.

– Значит, Мюнден забрал мебель. А что было потом? – спросил Бовуар.

– Я ушел.

– Здесь уже никого не оставалось?

Оливье задумался.

– Не совсем так. Поскольку народа пришло вчера очень много, то и уборки было больше.

У нас работают хорошие ребята. Ответственные.

Гамаш молча слушал все это. Он предпочитал работать именно так. Его подчиненные задавали вопросы, и это давало ему возможность наблюдать и слушать, что отвечают, как отвечают, о чем умалчивают. Сейчас он услышал какую-то настороженную нотку в спокойном и любезном голосе Оливье. Чем вызвана эта настороженность – его собственными поступками или же он хочет защитить своих людей, боится бросить на них тень подозрения?

– Кто ушел последним? – спросила агент Лакост.

– Молодой Парра, – ответил Оливье.

– Молодой Парра? – переспросил Бовуар. – Это как Старик Мюнден?

Габри поморщился:

– Нет, его не зовут Молодой. Это было бы странно. Его зовут Хэвок.¹⁵

Бовуар прищурился, недовольно глядя на Габри. Он не любил, когда над ним потешались, а этот крупный рыхлый человек, похоже, именно этим и занимался. Но потом Бовуар перевел взгляд на Мирну, которая вовсе не смеялась. Она кивнула:

– Так его и зовут. Рор так его назвал.

Жан Ги Бовуар записал это, но без удовольствия или убежденности.

– И он должен был запереть дверь? – спросила Лакост.

Гамаш и Бовуар оба знали, что это решающий вопрос, но его важность ускользнула от Оливье.

– Безусловно.

Гамаш и Бовуар переглянулись. Наконец-то они вышли на что-то. Убийца должен был иметь ключ. Мир, полный подозреваемых, значительно сузился.

– Позвольте посмотреть на ваши ключи, – сказал Бовуар.

Оливье и Габри достали свои ключи и передали их инспектору. Но был предложен и третий. Бовуар повернулся и увидел связку ключей в крупной руке Мирны.

– У меня тоже есть ключ на тот случай, если не удастся попасть к себе. Или произойдет что-то чрезвычайное.

– Merci, – произнес Бовуар с чуть меньшей уверенностью, чем прежде. – Вы их никому не давали в последнее время? – спросил он у Оливье и Габри.

– Нет.

Бовуар улыбнулся. Это было хорошо.

– Если, конечно, не считать Старика Мюндена. Он свой ключ потерял, и ему понадобился новый, – сказал Оливье.

– И Билли Уильямса, – напомнил ему Габри. – Ты забыл? Обычно он пользуется тем ключом, что лежит под цветочным горшком у входа, но он не хотел нагибаться, когда в руках у него дрова. Он собирался взять ключ, чтобы сделать еще несколько экземпляров.

Лицо Бовуара сморщилось, выражая крайнее недоверие.

– А зачем вообще запирает дверь? – спросил он.

– Таковы требования страховой компании, – ответил Оливье.

«Ну что ж, – подумал Бовуар, – кое-кого ждут повышенные страховые выплаты». Он посмотрел на Гамаша и покачал головой. В самом деле, они все заслуживали того, чтобы быть

¹⁵ Английское слово havoc означает «опустошение, разорение».

убитыми во сне. Но по иронии судьбы, убивали именно тех, кто запирали двери и устанавливали сигнализацию. Собственный опыт подсказывал Бовуару, что Дарвин ошибался. Самые приспособленные как раз и не выживали. Они погибали из-за глупости соседей, которые по-прежнему не желали видеть очевидного.

Глава четвертая

– Ты его не узнала? – спросила Клара, нарезаая свежий хлеб из пекарни Сары.

Подружка Мирны могла иметь в виду лишь одного человека. Мирна отрицательно покачала головой и занялась помидорами для салата, потом принялась за лук, тоже только что сорванный на огороде Питера и Клары.

– Оливье и Габри тоже его не знают? – спросил Питер.

Он нарезал приготовленную на огне курицу.

– Странно, правда? – Мирна перестала крошить лук и посмотрела на своих друзей.

Питер был высокий, седеющий, элегантный и аккуратный мужчина. Рядом с ним – его жена Клара, невысокая, пухленькая; в ее темных буйных волосах там и здесь виднелись крошки. Ее голубые глаза обычно смотрели с добродушным юмором. Но не сегодня.

Клара озадаченно помотала головой. Несколько крошек упали из ее волос на стол. Она рассеянно собрала их и сунула в рот. Теперь, когда первое потрясение от утренней находки прошло, Мирна была уверена, что все они думают об одном.

Это было убийство. Убитый был чужаком. А убийца?

И они, вероятно, пришли к одному выводу: вряд ли.

Мирна пыталась не думать об этом, но мысли ее все равно возвращались туда. Он взяла кусочек хлеба и принялась жевать. Он был теплый, мягкий, ароматный. Корочка хрустела.

– Бога ради, – сказала Клара, взмахивая ножом в сторону недоеденного ломтика в руке Мирны.

– Хочешь? – предложила ей кусочек Мирна.

Две женщины стояли у кухонного стола и ели свежий, теплый хлеб. Обычно в это время в воскресенье они ходили на ланч в бистро, но сегодня – когда там нашли мертвое тело и приезжала полиция – это было невозможным. Поэтому Клара, Питер и Мирна устроились рядом – в квартире Мирны на втором этаже. Внизу дверь в ее магазин была поставлена на сигнализацию на тот случай, если кто-то войдет. Впрочем, это была не совсем сигнализация – маленький колокольчик, который звонил, если дверь открывалась. Иногда Мирна спускалась на звон, иногда – нет. Почти все ее клиенты были местными жителями и знали, сколько денег нужно оставить у кассового аппарата. И потом, думала Мирна, если кому-то так нужна старая книга, что он готов ее украсть, то пусть крадет.

Мирну пробрала дрожь, и она посмотрела на окно – не открыто ли, не проникает ли через него прохладный, влажный воздух. Она увидела голые кирпичные стены, прочные балки и несколько больших окон с переплетом в небольшую клетку. Подошла проверить, но все они оказались закрыты, кроме одного, да и то было приоткрыто чуть-чуть, чтобы в комнату проникал свежий воздух.

Она пошла назад по дощатому сосновому полу, остановилась у пузатой дровяной печки в середине большой комнаты. Пламя в ней затухало. Мирна подняла круглую крышку, сунула внутрь полешко.

– Ты, наверное, бог знает что пережила, – сказала Клара, подойдя к подруге.

– Да уж. Смотрю – лежит там этот бедняга. Я поначалу даже и раны-то не увидела.

Клара и Мирна уселись на диван лицом к печке. Питер принес два стаканчика с виски и тихо ретировался в кухонную зону большой комнаты. Оттуда он видел их, слышал их разговор, но не мешал своим присутствием.

Две женщины, устроившиеся на диване, попивали виски и разговаривали потихоньку. По-домашнему. Питер позавидовал им. Он отвернулся и помешал в кастрюле яблочный суп с сыром чеддер.

– Интересно, что думает Гамаш? – спросила Клара.

– По-моему, он в таком же недоумении, как и все мы. Нет, ну в самом деле, – Мирна повернулась лицом к Кларе, – почему это вдруг посторонний человек оказывается в бистро? К тому же мертвый?

– Убитый, – уточнила Клара, и обе женщины на несколько секунд погрузились в размышления.

Наконец Клара заговорила:

– А Оливье что-нибудь сказал?

– Ничего. Он, похоже, ошарашен не меньше, чем все остальные.

Клара кивнула. Ей было знакомо это ощущение.

Полиция за дверью. Скоро она войдет в их дома, кухни, спальни. Проникнет в их головы.

– Даже представить себе не могу, что Гамаш обо всех нас думает, – сказала Мирна. – Каждый раз, когда он появляется, тут у нас мертвец.

– У каждой квебекской деревни свое призвание свыше. Где-то готовят сыр, где-то вино, где-то гончарные изделия. А наша специализация – трупы.

– Призвание свыше – это у монастырей, а не у деревень, – хохотнул Питер. Он поставил тарелки с ароматным супом на длинный обеденный стол. – И вообще, наша специализация не трупы.

Но он не слишком был в этом уверен.

– Гамаш возглавляет отдел по расследованию убийств, – сказала Мирна. – Такое у него случается постоянно. Да что говорить, он, наоборот, должен бы был удивиться, если бы мертвого тела не обнаружилось.

Мирна и Клара присоединились к Питеру за столом. Женщины разговаривали между собой, а Питер думал о человеке, возглавлявшем следствие. Питер знал, что этот человек опасен. Опасен для тех, кто совершил убийство за соседней дверью. Любопытно, знает ли убийца, какой человек идет по его следу? Питер не сомневался: знает, прекрасно знает.

* * *

Инспектор Жан Ги Бовуар оглядел их новый оперативный штаб и глубоко вздохнул. Он не без удивления понял, насколько ему знаком этот запах, насколько он будоражит нервы.

Это был запах возбуждения, запах охоты. Здесь пахло долгими часами, проведенными перед мониторами разогретых компьютеров, когда сотрудники пытаются из отдельных частей собрать целое. Здесь пахло командной работой.

Но вообще-то, здесь пахло соляжкой и горелым деревом, лаком и бетоном. Он снова находился на старом железнодорожном вокзале Трех Сосен – Канадская тихоокеанская железнодорожная компания оставила его на милость стихий много десятилетий назад. Но добровольная пожарная команда Трех Сосен заняла вокзал, просочилась в него, надеясь, что никто этого не заметит. Никто и вправду не заметил, потому что КТЖК давно забыла о существовании деревни. И теперь маленький вокзал превратился в гараж для пожарных машин, громоздкого оборудования и экипировки. На стенах по-прежнему оставались зашпунтованные панели, обклеенные рекламными плакатами о красотах, которые сулит путешествие через Скалистые горы, и о мерах предосторожности. За место тут боролись правила противопожарной безопасности и огромный постер, сообщающий о победителе поэтического конкурса под эгидой генерал-губернатора. А с постера на Бовуара и в вечность смотрела эта сумасшедшая женщина.

Но она смотрела на него своим безумным взглядом не только с постера, но и в реальности.

– Какого черта вы тут делаете?

Рядом с ней стояла и смотрела на Бовуара ее утка.

Рут Зардо. Вероятно, самая известная и уважаемая поэтесса в стране. Со своей уткой Розой. Бовуар знал, что, когда на Рут смотрит старший инспектор Гамаш, он видит талантливого поэта. Но у самого Бовуара при виде Рут начиналось несварение.

– Произошло убийство, – сказал он голосом, полным достоинства и властности (по крайней мере, он на это надеялся).

– Я знаю, что произошло убийство. Я не идиотка.

Ее утка покачала головой и хлопнула крыльями. Бовуар настолько привык видеть Рут с птицей, что даже не удивлялся. На самом деле, хотя он ни за что не признался бы в этом, он был рад, что Роза все еще жива. Все остальное вокруг этой старой перечницы надолго не задерживалось.

– Нам необходимо снова воспользоваться этим зданием, – сказал он и отвернулся от милой парочки.

Несмотря на старость, хромоту и пылкий темперамент, Рут Зардо была выбрана главой добровольной пожарной команды. Как подозревал Бовуар, сделано это было в надежде, что в один прекрасный день она погибнет в пламени. Но еще он подозревал, что она не горит.

– Нет. – Рут стукнула тростью по бетонному полу. Роза не подпрыгнула – подпрыгнул Бовуар. – Вы не получите это помещение.

– Прошу прощения, мадам Зардо, но нам оно необходимо, и мы его займем.

Голос его звучал уже не так любезно, как прежде. Эти трое смотрели друг на друга, и моргала из них только Роза. Бовуар знал единственный способ, с помощью которого эта психованная может восторжествовать: если она начнет читать свои муторные, невнятные стихи. Где нет ни одной рифмы. Никакого смысла. Но еще он знал, что из всех людей в деревне она последняя стала бы читать эти стихи. Ее творения смущали ее саму, она вроде бы даже стыдилась их.

– Как ваши стихи? – спросил он и тут же увидел, что она дрогнула.

Ее коротко стриженные волосы были седыми и редкими и так плотно лежали на голове, что возникало впечатление, будто видишь ее белесый череп. Шея у нее была шуплая и жилистая, а высокое тело, когда-то сильное, явно ослабело.

– Я где-то слышал, что у вас скоро выходит новая книга.

Рут Зардо чуть подалась назад.

– Здесь и старший инспектор, как вам, вероятно, известно. – Голос Бовуара наполнился дружескими, убедительными, теплыми интонациями. Старуха смотрела так, будто перед ней был Сатана. – Я знаю, с каким нетерпением он ждет разговора с вами об этом. Он скоро здесь появится. Он ведь ваши стихи наизусть знает.

Рут Зардо развернулась и вышла.

Ему удалось сделать это. Он изгнал ее. Ведьма была мертва или, по меньшей мере, удалена.

Бовуар принялся оборудовать свой штаб. Заказал столы, аппаратуру связи, компьютеры, принтеры, сканеры, факсы. Пробковые плиты и ароматизированные фломастеры. Он приколотит пробковую доску поверх постера с этой ухмыляющейся сумасшедшей поэтессой. А над ее лицом он будет делать записи о ходе расследования.

* * *

В бистро царило спокойствие.

Криминалисты, обследовавшие место преступления, уехали. Агент Изабель Лакост, как всегда дотошная, стояла на коленях у того места, где было обнаружено тело. Она хотела быть абсолютно уверенной, что никакие улики не остались незамеченными. Старшему инспектору Гамашу казалось, что Оливье и Габри замерли на одном месте, – они и в самом деле сидели,

не шевелясь, на старом выцветшем диване перед камином, погруженные каждый в свой собственный мир. Они смотрели на огонь, зачарованные пляшущими язычками пламени. Ему стало любопытно, о чем они думают.

– О чем вы думаете? – спросил Гамаш, подойдя к ним и усевшись в большое кресло, стоящее рядом.

– Я думал о мертвеце, – сказал Оливье. – Пытался понять, кто он такой. Что делал здесь. Есть ли у него семья. Не ищут ли его.

– А я думал о ланче, – признался Габри. – Кто-нибудь еще хочет есть?

Агент Лакост подняла голову:

– Я хочу.

– И я тоже, *patron*,¹⁶ – сказал Гамаш.

Когда Габри начал позвякивать в кухне кастрюлями и посудой, Гамаш чуть подался к Оливье. Их никто не мог слышать. Оливье посмотрел на него безучастным взглядом. Но старший инспектор и раньше видел этот взгляд. Вообще-то, смотреть безучастным взглядом почти невозможно. Если только ты сам не хочешь этого. Старший инспектор знал, что за безучастным выражением лица скрывается бешеная работа мысли.

Из кухни донесся легко узнаваемый запах чеснока, и они слышали, как Габри напевает «Что нам делать с пьяным моряком?». ¹⁷

– Габри решил, что этот человек был бродягой. А вы что думаете?

Оливье вспомнил глаза – остекленевшие, уставившиеся в одну точку. И еще он вспомнил свое последнее посещение хижины.

«Хаос наступает, старичок, и его не остановить. На это ушло немало времени – но вот теперь он здесь».

– А кем еще он мог быть?

– У вас есть мысли, почему его убили в вашем бистро?

– Не знаю. – Из Оливье словно выпустили воздух. – Я голову над этим сломал. Зачем кому-то понадобилось убивать человека здесь? Это лишено всякого смысла.

– Это имеет свой смысл.

– Да? – Оливье подался вперед. – Какой?

– Не знаю. Пока не знаю.

Оливье посмотрел на устрашающе спокойного человека, который, не повышая голоса, вдруг заполнил собой всю комнату.

– Вы его знали?

– Вы уже спрашивали меня, – огрызнулся Оливье, но тут же взял себя в руки. – Извините, но вы и в самом деле спрашивали, а это действует на нервы. Я его не знал.

Гамаш уставился на него. Лицо Оливье покраснело, разругалось. Вот только от чего – от злости, от жара из камина или оттого, что он солгал?

– Кто-то его знал, – сказал наконец Гамаш.

Он откинулся на спинку кресла, чтобы создать у Оливье впечатление, что больше не давит на него. Дает вздохнуть.

– Но не я и не Габри. – Оливье сдвинул брови, и Гамашу показалось, что он искренне расстроен. – Что он здесь делал?

– «Здесь» – это в Трех Соснах или в бистро?

– И в Трех Соснах, и в бистро.

¹⁶ *Здесь: хозяин (фр.).*

¹⁷ Слова из английской морской песни, которая пелась при исполнении разных работ на корабле. Аналог русской песни «Эй, ухнем».

Но Гамаш знал, что Оливье солгал ему. Он имел в виду бистро – это было очевидно. При расследовании убийства люди часто лгали. Если первой жертвой войны становилась истина, то при расследовании убийства первой жертвой нередко становилась ложь, которой люди пытались прикрыться. Ложь, которой они обманывали себя. Ложь, которой они пытались убедить друг друга. Эта маленькая ложь позволяла им вставать с кровати холодным темным утром. Гамаш и его команда выявляли ложь и обличали ее. Делали это, пока все маленькие истории, сочиненные для облегчения жизни их авторов, не исчезали. Все лжецы оставались нагишом. Трудность состояла в отделении важной лжи от несущественной. Ложь Оливье показалась Гамашу маленькой. Но тогда зачем ему вообще понадобилось лгать?

Габри притащил поднос с четырьмя тарелками, над которыми поднимался парок. Несколько минут – и они уже сидели вокруг камина, ели феттучини с креветками и устрицы с чесноком в оливковом масле. Свежий хлеб и бокалы с белым сухим вином тоже были не лишними.

Они ели, разговаривая о длинном уик-энде на День труда, о буковых деревьях, о конских каштанах. О возвращении ребят в школу, о том, что дни становятся все короче.

Кроме них, в бистро никого не было. Но старшему инспектору оно казалось заполненным. Заполненным ложью, которую они слышали, ложью, которая вызревала и ждала своего часа.

Глава пятая

После ланча, когда агент Лакост пошла договариваться о ночевке всей команды в дешевой гостинице Габри, Арман Гамаш медленно двинулся в противоположном направлении. Противный дождик на некоторое время перестал, но туман цеплялся за лес и холмы, окружающие деревню. Люди выходили из своих домов по делам или чтобы поработать в саду. Гамаш прошел по размытой дороге, потом повернул налево, к горбтому мосту через реку Белла-Беллу.

– Проголодался? – Гамаш открыл дверь старого вокзала, держа в вытянутой руке пакет из оберточной бумаги.

– Помираю с голода, merci.

Бовуар почти подбежал к старшему инспектору, взял у него пакет и вытащил оттуда сэндвич с курицей, сыром бри и соусом песто. В пакете были еще бутылочка колы и пирожное.

– А вы? – спросил Бовуар, не донеся драгоценный сэндвич до рта.

– О, я уже поел, – сказал старший инспектор, решив, что лучше не рассказывать Бовуару о еде в бистро.

К теплой пузатой печке принесли два стула, и, пока инспектор ел, они сравнивали свои записи.

– К настоящему моменту мы понятия не имеем, кто был жертвой, кто его убил, как он оказался в бистро и что являлось орудием убийства, – сказал Гамаш.

– Так ничего и не нашли?

– Ничего. По мнению доктора Харрис, это был металлический стержень или что-то подобное. Ровное и твердое.

– Кочерга?

– Не исключено. Мы взяли кочергу Оливье на проверку. – Старший инспектор замолчал.

– И что? – спросил Бовуар.

– Меня немного удивляет, что Оливье разжег оба камина. Погода дождливая, но не холодная. А он растопил камины чуть ли не сразу, как обнаружилось тело...

– И вы думаете, что орудием убийства была та или другая кочерга? А Оливье растопил камины, чтобы шуровать ими в огне? Чтобы выжечь все улики?

– Я не исключаю такую вероятность, – произнес старший инспектор ровным голосом.

– Мы их проверим, – сказал Бовуар. – Но если одна из них окажется орудием убийства, это еще не значит, что убийца – Оливье. Кто угодно мог схватить ее и нанести удар жертве.

– Верно, но только Оливье растопил камины сегодня утром и при этом использовал обе кочерги.

Было ясно, что, будучи старшим инспектором, он никого не может исключать из числа подозреваемых. Но ясно было и то, что ему это не доставляло удовольствия.

В дверях показались техники, которые привезли аппаратуру, и Бовуар махнул им рукой, приглашая войти. Появилась Лакост и под села к камину.

– Я заказала нам номера в гостинице. Кстати, видела Клару Морроу. Мы сегодня приглашены на обед.

Гамаш кивнул. Это было неплохо. За обедом они могли узнать о жизни в деревне больше, чем во время допроса.

– Оливье назвал мне людей, которые вчера работали в бистро. Я собираюсь поговорить с ними, – сообщила Лакост. – И еще: криминалисты обходят деревню и округу в поисках орудия убийства. Они сориентированы на поиск кочерги или чего-нибудь похожего.

Инспектор Бовуар закончил ланч и отправился давать указания по оборудованию временного оперативного штаба. Агент Лакост пошла опрашивать свидетелей. Гамаш очень не

любил, когда его люди уходили. Он не уставал предупреждать их: не забывайте, чем занимаетесь и кого ищете. Убийцу.

Много лет назад старший инспектор потерял одного из своих агентов, который наткнулся на убийцу. Он не хотел, чтобы это когда-нибудь повторилось. Но он не мог защищать их постоянно. Ему приходилось отпускать их на свободу, как он отпустил и Анни.

* * *

Это был последний допрос в тот день. Агент Лакост успела допросить пятерых человек, работавших тем вечером в бистро, и получила одни и те же ответы. Нет, ничего необычного не происходило. Народу было не протолкнуться – суббота и долгий уик-энд Дня труда. Во вторник в школах начинались занятия, и все приехавшие сюда на лето собирались отбыть в Монреаль в понедельник. То есть завтра. На следующий день четверо из официантов после окончания каникул уезжали на занятия в университет. От них и в самом деле было мало толку, так как все, что они заметили, – это столик с хорошенькими девицами.

Пятый официант хоть что-то мог сообщить – это была девушка, и она не особо обращала внимание на соблазнительные бюсты. Но вечер, как ни смотри, был совершенно обыкновенный. Ни о каком мертвом теле и речи не шло, и Лакост подумала, что его заметили бы даже те озабоченные официанты.

Она подъехала к дому последнего официанта – молодого человека, который обычно оставался за старшего после отъезда Оливье. Того самого парня, что проводил окончательную проверку перед уходом и запирал дверь.

К дому вела длинная грунтовая подъездная дорожка, обсаженная кленами. Их листья еще не обрели великолепных осенних оттенков, но кое-где уже пробивались оранжевые и красные тона. Пройдет немного времени – и это будет выглядеть великолепно.

Лакост вышла из машины и в недоумении уставилась на представшее ее взгляду сооружение из стекла и бетона. Оно казалось здесь настолько не на месте, как если бы на Пятой авеню установили палатку. Оно было здесь чужим. Приближаясь к нему, Лакост поняла еще кое-что. Этот дом производил на нее устрашающее впечатление, и она спросила себя почему. Ее вкусы были скорее традиционными, но не слишком строгими. Она любила кирпичи и обнаженные балки, но ненавидела хаос, хотя после рождения детей перестала слишком уж заботиться о порядке в доме. Теперь если ей удавалось пройти по комнате, не наступив на какую-нибудь свистульку, это можно было считать достижением.

Это сооружение явно было достижением. Вот только домом ли?

Дверь открыла крепкого сложения женщина средних лет. Она говорила на очень хорошем, хотя, пожалуй, чересчур правильном французском. Лакост с удивлением поняла, что в этом доме прямоугольных форм предполагала увидеть и прямоугольных обитателей.

– Мадам Парра? – Агент Лакост протянула свое удостоверение.

Женщина кивнула, дружески улыбнулась и отошла назад, пропуская ее.

– Entrez.¹⁸ Вы, наверное, по поводу того, что случилось у Оливье, – сказала Ханна Парра.

– Oui.

Лакост нагнулась, чтобы снять сапоги, на которые налипла грязь. Это всегда казалось таким неловким и унижительным. Знаменитая на весь мир команда Квебекской полиции по расследованию убийств, сидя в носках, опрашивает подозреваемых.

Мадам Парра не сказала ей, что это лишнее, но, по крайней мере, дала тапочки из стоящего у двери деревянного короба, где хранилась груда старой обуви. И опять это удивило Лакост, ожидавшую увидеть здесь порядок и чистоту. И строгость.

¹⁸ Входите (фр.).

– Я бы хотела поговорить с вашим сыном.

– С Хэвоком.

Хэвок. Это имя показалось забавным инспектору Бовуару, но агент Лакост не видела в нем ничего смешного. И странным образом оно подходило к этому холодному, хрупкому дому. Трудно было представить, что человек с именем Хэвок обитает в каком-то другом месте.

Прежде чем ехать сюда, Лакост провела кое-какие изыскания о семействе Парра. Материала было не очень много, но кое-что она все же нашла. Женщина, которая открыла ей дверь, была советником муниципалитета Сен-Реми, а ее муж Рор работал лесником в крупном землевладении в этом же районе. Они бежали из Чехословакии в середине 1980-х, приехали в Квебек и обосновались близ Трех Сосен. Вообще-то, в районе была большая и влиятельная чешская община, состоящая из беженцев – людей, искавших то, что они обрели здесь. Свободу и безопасность. Ханна и Рор Парра остановились, когда нашли Три Сосны.

А когда они осели здесь, на свет появился Хэвок.

– Хэвок! – крикнула его мать в сторону леса, выпуская собак.

Еще несколько криков – и появился коренастый молодой человек. Его лицо покраснело от тяжелой работы, кудрявые волосы растрепались. Он улыбнулся, и Лакост сразу поняла, что другие официанты в бистро не имели ни малейшего шанса с девушками. Все девушки принадлежали этому парню. И кусочек ее сердца он тоже похитил. Она быстро произвела подсчеты в уме. Ей было двадцать восемь, ему – двадцать один. Через двадцать пять лет такая разница в возрасте не будет иметь особого значения, хотя ее муж и дети вряд ли согласились бы с этим.

– Чем могу вам помочь? – Он нагнулся и снял свои высокие зеленые сапоги. – Разумеется, речь пойдет о человеке, которого нашли сегодня утром в бистро. Прошу прощения, я должен был догадаться.

Он продолжал говорить на ходу, и вскоре они оказались в великолепной кухне – в реальной жизни Лакост таких не видела. Вместо классического и обязательного, как полагала Лакост, треугольника кухонного оборудования вся кухня прилепилась к одной стене в задней части светлого помещения. Здесь был один очень длинный бетонный стол, кухонное оборудование из нержавеющей стали, открытые подвешенные полки с чистыми белыми тарелками, выстроенными в ряд. Шкафы внизу были отделаны темным ламинатом. Кухня, хотя и выдержанная в стиле ретро, казалась очень современной.

Тут не было и кухонного островка, вместо него – обеденный стол матового стекла, окруженный старинными с виду тиковыми стульями. Лакост села на один из них и обнаружила, что он на удивление удобен. У нее мелькнула мысль: а что, если это и впрямь старинная мебель, привезенная из Праги? Но потом она подумала, что вряд ли люди возят через границу тиковые стулья.

Почти всю противоположную стену кухни занимали окна от пола до потолка, скругленные по краям. Из них открывался великолепный вид на поля, лес и гору вдали. Лакост увидела также белый шпиль церкви и облачко дыма. Деревня Три Сосны.

В свободном пространстве у огромных окон стояли точно друг против друга два дивана с низким кофейным столиком между ними.

– Чаю? – спросила Ханна, и Лакост кивнула в ответ.

Эти два представителя семейства Парра не очень вписывались в почти стерильную обстановку, и Лакост поймала себя на том, что размышляет об отсутствующем Парра. Об отце, о Роре. Может быть, этот дом своими строгими прямоугольными формами обязан именно ему? Может быть, это он тяготеет к прохладной определенности, прямым линиям, почти пустым комнатам и ничем не заставленным полкам?

– Вы знаете, кто был убитый? – спросила Ханна, ставя чашку перед Лакост.

На безукоризненно чистом столе появилась и вазочка с печеньем.

Лакост поблагодарила хозяйку и взяла печенье. Оно было мягким и теплым, пахло изюмом и овсом, имело привкус жженого сахара и корицы. Оно имело домашний вкус. Лакост обратила внимание, что на чашке изображен улыбающийся и машущий снеговик в красном костюме – сувенир с квебекского зимнего карнавала. Она сделала глоток. Чай был крепкий и приятный.

Как и сама Ханна.

– Нет, пока мы не знаем, кто это, – ответила Лакост.

– Мы слышали... – Ханна помедлила, – что он умер насильственной смертью. Это верно? Лакост вспомнила проломленный череп убитого.

– Да, насильственной. Его убили.

– Боже мой, – сказала Ханна. – Какой ужас. И вы понятия не имеете, кто это?

– Скоро узнаем. А пока я хочу услышать, как прошел вчерашний вечер. – Она повернулась к молодому человеку, сидящему напротив нее.

В этот момент от двери раздался голос, произнесший несколько слов на непонятном Лакост языке, видимо на чешском. Коренастый мужчина вошел в кухню и отряхнул свою вязаную шапку, поколотив ею о куртку.

– Рор, ты что, не мог сделать это в прихожей? – сказала Ханна по-французски, и хотя в ее голосе слышалась нотка укоризны, было очевидно, что она рада его видеть. – У нас полиция. По поводу убитого.

– Какого убитого? – Рор тоже перешел на французский, хотя и с небольшим акцентом. В его голосе слышалась озабоченность. – Где? Здесь?

– Не здесь, па. Тело обнаружили сегодня утром в бистро. Человек умер насильственной смертью.

– Ты хочешь сказать, его убили? Прошлой ночью кого-то убили в бистро?

В его голосе отчетливо слышалось недоумение. Как и его сын, он был невысок и крепок сложением. У него были курчавые темные волосы, начавшие седесть, – и это отличало его от сына. На взгляд Лакост, ему было под пятьдесят.

Она представилась.

– Я вас знаю, – сказал он, глядя на нее проницательным, острым взглядом. У него были голубые и жесткие глаза, вызывавшие беспокойство у того, кто смотрел в них. – Вы уже бывали в Трех Соснах.

Лакост поняла, что у него хорошая память на лица. Большинство запоминали лишь старшего инспектора Гамаша. Ну, может, еще инспектора Бовуара. А ее не запоминал почти никто. Разве что другие агенты полиции.

А этот человек запомнил.

Он налил себе чая и сел. Он тоже казался немного не на своем месте в этой идеально чистой комнате. И в то же время ему было здесь вполне удобно. И вообще у него был вид человека, которому было бы удобно почти повсюду.

– Вы не знали о трупе?

Рор Парра откусил печенье и отрицательно покачал головой:

– Я весь день работал в лесу.

– Под дождем?

Он фыркнул:

– Ну и что? Маленький дождик вас не убьет.

– А вот удар по голове – вполне.

– Именно так его убили?

Лакост кивнула.

– И кто он был? – продолжил расспрашивать Парра.

– Никто его не знает, – ответила Ханна.

– Но может, вы знаете, – сказала Лакост.

Она вытащила из кармана фотографию и положила ее картинкой вниз на твердую, холодную столешницу.

– Я? – хмыкнул Рор. – Да я вообще не знал, что тут кто-то убит.

– Но мне известно, что летом вы видели какого-то постороннего человека близ деревни.

– Кто вам сказал?

– Не имеет значения. Просто кое-кто случайно слышал, как вы об этом говорили. Это что, была тайна?

Парра помедлил.

– Да нет. Видел его один раз. Может, два. Да это не имеет значения. Глупость какая-то. Просто мне показалось, что я видел какого-то типа.

– Глупость?

Рор неожиданно улыбнулся – впервые с того момента, как вошел в кухню, и улыбка преобразила его суровое лицо. С него словно опала корка. На щеках появились морщинки, а глаза на мгновение засветились.

– Да поверьте мне, что глупость. А я знаю, что такое глупость, – у меня сыну едва за двадцать. Я вам все скажу, но это ничего не значит. У старого дома Хадли появились новые владельцы. Несколько месяцев назад его купила одна пара. Они его перестраивают и наняли меня, чтобы построить сарай и очистить дорожки. А еще они хотели, чтобы им привели в порядок сад. Но это большая работа.

Лакост знала, что старый дом Хадли представляет собой просторное сооружение викторианских времен на холме над Тремя Соснами.

– Мне показалось, я видел кого-то в лесу. Мужчину. Я чувствовал – на меня кто-то смотрит, когда работал там, но это вполне могла быть игра воображения. Воображение в том месте легко разыгрывается. Иногда я быстро поворачиваюсь – нет ли кого у меня за спиной, но так никого никогда и не увидел. Только раз.

– И что случилось?

– Он исчез. Я его окликнул, даже пробежал за ним какое-то расстояние в лес, но его нигде не было. – Парра помолчал. – Может, его вообще там не было.

– Но вы-то считаете, что там кто-то был, да? Вы считаете, что кто-то на вас смотрел?

Парра кивнул.

– А узнать его вы бы смогли? – спросила Лакост.

– Не исключено.

– У меня есть фотография убитого, снятая сегодня утром. Вид, конечно, не для слабонервных, – предупредила она.

Парра кивнул, и она перевернула снимок лицом вверх. Все трое Парра внимательно уставились на фотографию, потом отрицательно покачали головой. Лакост оставила ее на столе рядом с вазочкой с печеньем.

– Значит, вчера вечером все было как всегда? Ничего необычного? – спросила она у Хэвока.

За этим последовал рассказ, как две капли воды похожий на то, что она уже слышала от других официантов. Много работы, хорошие чаевые, ни минуты свободной.

– Кто-нибудь посторонний?

Хэвок ненадолго задумался, потом покачал головой. Нет. Люди, приезжающие на лето. На выходные дни. Но он всех их знал.

– А что вы делали, когда ушли Оливье и Старик Мюнден?

– Убрал тарелки, все осмотрел по-быстрому, выключил свет и запер замок.

– Точно заперли? Сегодня утром дверь оказалась распахнута.

– Я уверен. Я всегда запираю замок.

В голос красивого молодого человека вкрался страх. Но Лакост знала, что это естественно. Большинство людей, даже невинные, начинали бояться, когда их допрашивали детективы из отдела по расследованию убийств. Но она заметила и кое-что еще.

Его отец посмотрел на сына и тут же отвел взгляд. И Лакост спросила себя: а кто он на самом деле, этот Рор Парра? Сейчас он работал в садах. Косил траву, сажал растения. Но чем он занимался до этого? Многие мужчины переходили к покою садовничества, лишь познав жестокость жизни.

Достались ли на долю Рора Парры ужасы? Не был ли он сам творцом некоторых из них?

Глава шестая

- Старший инспектор? Это Шарон Харрис.
- Oui, доктор Харрис, – ответил Гамаш в трубку.
- Я еще не полностью закончила работу, но кое-что по данным вскрытия уже могу вам сообщить.
- Слушаю. – Гамаш облокотился на стол и пододвинул к себе блокнот.
- На теле не обнаружилось никаких особых примет – ни татуировок, ни шрамов после операций. Я сделала снимок полости рта, проведем поиск у дантистов.
- В каком состоянии его зубы?
- Вот это любопытный пункт. Я предполагала, что они будут в гораздо худшем состоянии. Могу сказать, что дантиста он посещал не очень часто и потерял два коренных зуба из-за болезни десен, но в целом состояние его зубов было не таким уж плохим.
- Он их чистил?
- В трубке раздался смешок.
- Как это ни невероятно – да. И даже зубной нитью пользовался. Кое-какое ухудшение есть, зубной налет и болезни, но он заботился о своих зубах. Есть свидетельства посещения дантиста – пломбы, депульпирование.
- Это дорогостоящие работы?
- Именно об этом я и говорю. У этого человека когда-то были деньги.
- Да, он не родился бродягой, подумал Гамаш. С другой стороны, бродягами никто не рождается.
- Вы не можете сказать, когда он в последний раз посещал дантиста?
- Судя по износу и использовавшимся материалам, я бы сказала, лет двадцать назад. Но я послала образец судмедэксперту. Завтра будет его заключение.
- Двадцать лет назад, – задумчиво произнес Гамаш, производя подсчеты в уме и занося цифры в свой блокнот. – Сейчас убитому за семьдесят. Это значит, к дантисту он ходил, когда ему было за пятьдесят. Потом с ним что-то случилось. Он потерял работу, начал пить, у него случился нервный срыв. Произошло что-то такое, отчего он стал другим человеком.
- Да, что-то произошло, – согласилась доктор Харрис, – но только не когда ему было за пятьдесят. Что-то случилось, когда ему было под сорок. Или слегка за сорок.
- Так давно?
- Гамаш посмотрел на свои записи. Он уже написал «20 ans»¹⁹ и обвел эту запись кружочком, а теперь пребывал в недоумении.
- Именно это я и хотела вам сказать, старший инспектор, – продолжила коронер. – С этим телом что-то не так.
- Гамаш сел попрямее и снял свои полукруглые очки для чтения. Сидевший в другой части комнаты Бовуар увидел это и подошел к столу начальника.
- Слушаю, – сказал Гамаш, кивком приглашая Бовуара сесть. – Я включил громкую связь, инспектор Бовуар тоже будет слушать.
- Хорошо. Так вот, мне показалось странным, что этот человек, с виду опустившийся, чистил зубы и даже пользовался зубной нитью. Но бездомные иногда совершают странные поступки. Нередко они, как вы знаете, люди душевно нездоровые. И у них бывают свои пунктики.
- Но гигиена в их число не входит.

¹⁹ Лет (фр.).

– Да. Это было странным. Когда я его раздела, обнаружилось, что он чистый – вымытый. Он недавно принимал душ или ванну. И волосы его, хотя и растрепанные, тоже оказались чистыми.

– Есть ведь ночлежки, – сказал Гамаш. – Возможно, он был в одной из них. Хотя наш агент побывала во всех местных заведениях такого рода, и там его не знают.

– Откуда у вас такая уверенность? – Коронер редко задавала вопросы старшему инспектору Гамашу, но ей было любопытно. – Мы не знаем его имени, а его описание наверняка совпадает с описаниями многих бездомных.

– Это верно, – признал Гамаш. – Она описывала его как пожилого человека лет семи-десяти пяти, худого, седого, голубоглазого, с обветренным лицом. Ни один из людей, подпадающих под это описание, не числится среди пропавших. Но мы сделали его фотографию и показываем ее местным жителям.

После слов Гамаша на линии наступило молчание.

– В чем дело?

– Ваше описание не отвечает действительности.

– Что вы хотите сказать? – Гамаш видел убитого так же ясно, как и все остальные.

– Он не был пожилым человеком. Поэтому-то я и звоню вам. Сначала меня удивили его зубы. И тогда я принялась искать. В его кровеносных сосудах почти нет бляшек. Почти никаких признаков атеросклероза. Простата не очень увеличена, и никаких признаков артрита. Я бы сказала, что ему лет пятьдесят пять.

«Мой возраст, – подумал Гамаш. – Неужели та развалина на полу была моим ровесником?»

– И я сомневаюсь, что он был бездомным.

– Почему?

– Прежде всего, он очень чистый. Он заботился о себе. Да, одет он был неважно, но не все же мы можем выглядеть как инспектор Бовуар.

По лицу Бовуара скользнула самодовольная улыбка.

– По внешнему виду ему, может, и было семьдесят, но организм его находился в неплохом состоянии. Потом, я осмотрела его одежду. Одежда тоже чистая. И латаная. Старая, изношенная, но *propres*.²⁰

Она воспользовалась квебекским словом, которое теперь редко употреблялось. Разве что пожилыми родителями. Но здесь оно казалось вполне подходящим. *Propre*. Никаких изысков. Ни намек на моду. Но крепкая, чистая и презентабельная. В этом слове было какое-то обветшалое достоинство.

– Мне еще придется поработать, но вот вам предварительные результаты. Я переправлю их по электронной почте.

– Воп.²¹ Нет ли у вас предположений, какого рода работой он занимался? Как он поддерживал форму?

– В какой фитнес-центр ходил, вы хотите узнать? – В ее голосе послышалась улыбка.

– Именно, – подтвердил Гамаш. – Он что, бегал трусцой или поднимал тяжести? Крутил педали на велотренажере или занимался по системе пилатес?

Коронер рассмеялась:

– Навскидку я бы сказала, что ходьбы было мало, но много поднятия тяжестей. Верхняя часть его тела чуть более тренирована, чем нижняя. Буду иметь ваш вопрос в виду во время работы.

²⁰ Опрятная (*фр.*).

²¹ Хорошо (*фр.*).

– Merci, docteur,²² – произнес Гамаш.

– И еще одно, – добавил Бовуар. – Орудие убийства. Какие-нибудь уточнения? Идеи?

– Я как раз сейчас собираюсь перейти к этой части вскрытия, но на скорую руку я уже посмотрела, и мой вывод остается прежним. Тупое орудие.

– Например, кочерга?

– Не исключено. Я заметила что-то белое в ране. Может быть, это зола.

– Завтра утром у нас будут лабораторные результаты по кочергам, – сказал Гамаш.

– Дам вам знать, если обнаружится что-то новое.

Доктор Харрис повесила трубку как раз в тот момент, когда появилась агент Лакост.

– Погода улучшается. Закат будет чудесный.

Бовуар недоуменно посмотрел на нее. Предполагалось, что она будет прочесывать Три Сосны в поисках улик, пытаться найти орудие убийства и самого убийцу, опрашивая подозреваемых. А она заявила – и сразу о закате?

Он взглянул на своего начальника, который подошел к окну, на ходу попивая кофе. Гамаш посмотрел в окно, повернулся и сказал:

– Красиво.

В центре временного штаба был установлен стол для совещаний, вокруг которого полукругом расставлены рабочие столы и стулья. На каждом столе – телефон и компьютер. Это слегка походило на планировку деревеньки Три Сосны, причем стол для совещаний напоминал подобие деревенского луга, а рабочие столы – магазины вокруг него. Такое расположение было древним и давно проверенным.

Неподалеку от них нерешительно топтался молодой полицейский из местного отделения; по его виду было ясно, что он хочет что-то сказать.

– Чем могу помочь? – спросил старший инспектор Гамаш.

Остальные полицейские из местного отделения замерли и уставились на него. Некоторые переглянулись с понимающими улыбками.

Молодой человек расправил плечи:

– Я бы хотел помочь вашему расследованию.

Наступила мертвая тишина. Даже технический персонал перестал работать – так происходит с людьми, которые становятся свидетелями страшного бедствия.

– Что-что? – спросил Бовуар, делая шаг вперед. – Что вы сказали?

– Я бы хотел помочь расследованию.

Теперь молодой полицейский увидел несущийся на него грузовик с отказавшими тормозами. Но он слишком поздно осознал свою ошибку.

Он понял все это и замер, то ли от страха, то ли от куража – сказать было трудно. За его спиной четыре или пять плечистых сотрудников местной полиции стояли, скрестив руки на груди, и не делали ничего, чтобы ему помочь.

– Разве вы не должны устанавливать столы и прокладывать телефонные линии? – спросил Бовуар, подходя ближе к молодому полицейскому.

– Я уже занимался этим, все работы закончены. – Хотя в его голосе не было прежней уверенности, он не отступал.

– И с чего вы решили, что можете быть тут полезны?

За спиной Бовуара стоял старший инспектор – молчал, наблюдал. Молодой полицейский, отвечая на вопросы, смотрел на инспектора Бовуара, но потом снова пересекся взглядом с Гамашем.

– Я знаю этот район. Знаю людей.

²² Спасибо, доктор (*фр.*).

– Они тоже. – Бовуар указал на полицейских, стоявших за спиной у парня. – Если у нас вдруг возникнет нужда в помощи, то почему мы должны выбрать вас?

Этот вопрос обескуражил молодого полицейского, и он на несколько мгновений погрузился в молчание. Бовуар махнул рукой, отпуская его, и пошел к своему столу.

– Потому что, – сказал молодой полицейский старшему инспектору, – я попросил об этом.

Бовуар замер, развернулся и посмотрел на агента недоуменным взглядом.

– Pardon?²³ Pardon? Это отдел по расследованию убийств, а не детские игры. Вы хоть состоите на службе в Квебекской полиции?

Вопрос был вполне уместный. Полицейскому на вид было лет шестнадцать, и форма была ему великовата, хотя он и предпринял попытку подогнать ее под себя. Он стоял впереди, его confrères²⁴ – сзади, что напоминало эволюционное древо, на котором молодой полицейский представлялся ветвью, обреченной на вымирание.

– Если вы закончили свою работу, то я прошу вас уйти.

Молодой агент кивнул, развернулся, собираясь заняться своими делами, увидел перед собой ряд коллег и остановился. Потом обошел их. Гамаш и люди из его бригады не сводили с парня глаз. Последнее, что они видели, перед тем как отвернуться, это его спину и красную как рак шею.

– Надо поговорить, – сказал Гамаш Бовуару и Лакост, и те уселись за стол для совещаний. – Ну, что вы думаете? – тихо спросил Гамаш.

– О теле?

– О парнишке.

– Что – опять о нем? – раздраженно сказал Бовуар. – Если нам кто-то понадобится, то в отделе есть прекрасные полицейские. Если они заняты на других делах, то у нас длинный список желающих. Агенты из других подразделений жаждут перейти к нам. Зачем нам какой-то неоперившийся мальчишка из лесной глуши? Если нам не хватает людей – давайте позвоним в управление, пусть пришлют.

Это был их старый спор.

Отдел по расследованию убийств Квебекской полиции был самым престижным полицейским подразделением в провинции. А может быть, и во всей Канаде. Они работали по самым тяжелым преступлениям в самых тяжелых условиях. И они работали с лучшими, самыми уважаемыми и известными следователями. Взять того же старшего инспектора Гамаша.

Так зачем же брать незнамо кого?

– Мы, конечно, могли бы позвонить в управление, – согласился старший инспектор.

Но Бовуар знал, что его шеф никуда звонить не собирается. В свое время Гамаш нашел Изабель Лакост, когда та сидела перед кабинетом своего суперинтенданта – ее собирались увольнять из отдела обеспечения дорожного движения. Ко всеобщему удивлению, Гамаш пригласил ее к себе.

А еще раньше он подобным образом нашел и самого Бовуара: тот был назначен охранять вещдоки в отделении полиции в Труа-Ривьер. Каждый день Бовуар – тогда агент Бовуар – переживал это унижение: он надевал полицейскую форму и заходил в клетку, где хранились вещдоки. И проводил там почти целый день. Он настолько раздражал своих коллег и начальство, что его упекли туда, решив, что это самое подходящее для него место. Пусть проводит там время в одиночестве. Среди неодушевленных предметов. Целый день тишина, исключая те недолгие минуты, когда другие агенты приходили, чтобы сдать что-нибудь на хранение или

²³ Прошу прощения? (*фр.*)

²⁴ Коллеги (*фр.*).

забрать для следственных действий. Они даже взглядом встречаться с ним не хотели. Он стал неприкасаемым. Неупоминаемым. Невидимым.

Но старший инспектор Гамаш увидел его. Как-то раз он привез в хранилище улики по делу и нашел там Жана Ги Бовуара.

Агент полиции, с которым никто не хотел иметь дела, стал вторым человеком в отделе по расследованию убийств.

Но Бовуар не мог отделаться от уверенности, что Гамашу просто до поры до времени везло, если не считать небольшого числа примечательных исключений. Ведь появление неопробованных в деле агентов было чревато опасностями. Они совершали ошибки. А ошибки на их работе вели к смерти.

Он повернулся и с отвращением посмотрел на худенького молодого полицейского. Может быть, именно этот и совершит роковую ошибку? Ту непоправимую ошибку, которая приведет еще к одной смерти? «А жертвой вполне могу стать и я, – подумал Бовуар. – Или кто-то поважнее меня». Он скосил глаза на стоящего рядом Гамаша.

– Почему он? – прошептал Бовуар.

– Кажется, он чудесный парнишка, – сказала Лакост.

– Как заход солнца, – ухмыльнулся Бовуар.

– Как заход солнца, – повторила она. – Он стоял тут совсем один.

Последовало молчание.

– И все? – спросил Бовуар.

– Он не похож на других. Посмотри на него.

– Из всего помета выбираем самого дохлого? И это в отдел по расследованию убийств? Бога ради, сэр, – воззвал он к Гамашу. – Это же не гуманитарная организация.

– Значит, ты считаешь, что не гуманитарная? – спросил Гамаш, улыбаясь кончиками губ.

– Нам для нашей команды, для этого дела нужны лучшие. У нас нет времени натаскивать людей. И откровенно говоря, выглядит он так, будто ему и шнурки самостоятельно не завязать.

Гамаш не мог не согласиться: паренек именно так и выглядел – неловким. Но было в нем что-то еще.

– Мы его возьмем, – сказал старший инспектор Бовуару. – Я знаю, ты этого не одобряешь. И я понимаю твои доводы.

– Тогда зачем же его брать, сэр?

– Затем, что он попросил, – ответил Гамаш, вставая. – А никто другой этого не сделал.

– Но любой из них готов присоединиться к нам в любую секунду, – возразил Бовуар и тоже встал. – Любой.

– Какие у тебя требования к членам нашей команды? – спросил Гамаш.

Бовуар задумался:

– Мне нужны сильные, умные люди.

Гамаш кивнул на паренька.

– А как по-твоему, сколько ему требуется силы? Сколько силы нужно, чтобы каждый день ходить на работу? Не меньше, чем требовалось тебе, когда ты ходил на Труа-Ривьер. Или тебе, – он повернулся к Лакост, – когда ты ходила в дорожную полицию. Другие, может, и хотят поступить к нам, но у них не хватает либо мозгов, либо смелости спросить. А у нашего молодого человека хватило и того и другого.

«У нашего, – подумал Бовуар. – У нашего молодого человека». Он посмотрел на парня в другом конце помещения. Тот сидел в одиночестве. Аккуратно сматывал провода и складывал их в коробку.

– Ты знаешь, Жан Ги, я ценю твое мнение. Но в данном случае я уверен.

– Я понимаю, сэр. – Он и в самом деле понимал. – Я знаю, для вас это важно. Но случается, что и вы ошибаетесь.

Гамаш уставился на инспектора, и тот пошел на попятную, опасаясь, что зашел слишком далеко. Переоценил их личные взаимоотношения. Но старший инспектор улыбнулся:

– К счастью, у меня есть ты, и ты не боишься мне сказать, если я совершаю ошибку.

– Мне кажется, что сейчас вы совершаете ошибку.

– Принято. Спасибо. Будь добр, пригласи молодого человека к нам.

Бовуар целеустремленно направился в сторону молодого полицейского и остановился перед ним.

– Идем со мной, – велел он.

Парень поднялся. Вид у него был озабоченный.

– Слушаюсь, сэр.

У них за спиной ухмыльнулся полицейский. Бовуар остановился и повернулся к парню, шедшему следом.

– Как зовут?

– Поль Морен. Я состою в Кауансвиллском подразделении Квебекской полиции, сэр.

– Агент Морен, присядьте, пожалуйста, за стол. Мы хотели бы выслушать ваши соображения о расследовании этого убийства.

Морен посмотрел недоуменным взглядом. Но не таким недоуменным, как у дюжих полицейских у него за спиной. Бовуар развернулся и медленно двинулся к столу для совещаний. На душе у него было хорошо.

– Прошу, докладывайте, – сказал Гамаш и взглянул на свои часы.

Было половина шестого.

– По собранным нами утром в бистро уликам вырисовываются кое-какие результаты, – начал Бовуар. – Кровь жертвы была найдена на полу и между несколькими половыми досками. Впрочем, кровотечение не было обильным.

– Доктор Харрис вскоре представит более полный отчет, – сказал Гамаш. – Она полагает, что малое количество крови объясняется внутренним кровотечением.

Бовуар кивнул и продолжил:

– У нас есть экспертиза по его одежде. Пока ничего, что помогло бы установить его личность. Одежда на нем старая, но чистая. И прежде была неплохого качества. Шерстяной свитер, хлопчатобумажная рубашка, вельветовые брюки.

– Интересно, не надел ли он лучшее, что у него имелось, – заметила агент Лакост.

– Продолжай, – сказал Гамаш, подаваясь вперед и снимая очки.

– Так. – Лакост попыталась привести в порядок мысли. – Что, если он отправился на встречу с каким-то важным для него человеком? В этом случае он должен был принять душ, побриться, даже ногти подстричь.

– И надеть все чистое, – подхватил Бовуар, развивая ее мысль. – Скажем, в магазине подержанной одежды. Или в какой-нибудь благотворительной организации.

– Тут есть одна в Кауансвилле, – вступил в разговор агент Морен. – И еще одна в Гранби. Я могу их проверить.

– Хорошо, – сказал старший инспектор.

Агент Морен посмотрел на инспектора Бовуара, и тот одобритительно кивнул.

– Доктор Харрис не считает, что этот человек был бродягой. Во всяком случае, в традиционном понимании этого слова, – сказал старший инспектор Гамаш. – По виду ему за семьдесят, но она убеждена, что ему около пятидесяти.

– Вы шутите, – удивилась агент Лакост. – Что же с ним случилось?

«Это, конечно, важнейший вопрос, – подумал Гамаш. – Что с ним случилось? В жизни, которая состарила его на двадцать лет? И в смерти?»

Бовуар встал и подошел к чистым листам бумаги, приклепленным к стене. Достал новый фломастер, снял колпачок и машинально понюхал его.

– Давайте пройдемся по событиям вчерашнего вечера.

Изабель Лакост заглянула в свои бумаги и сообщила, что ей удалось узнать, допрашивая персонал бистро.

Они начинали понимать, что произошло предыдущим вечером. Арман Гамаш, слушая, представлял себе веселую атмосферу в бистро, наполненном жителями деревни: они ели и выпивали, впереди был долгий уик-энд Дня труда. Говорили о ярмарке в округе Брум, о конном троеборье, о выставке домашнего скота, о палатках с поделками местных мастеров. Они отмечали окончание лета, прощались с друзьями и семьями. Гамаш представлял себе, как уходят припозднившиеся клиенты, как молодые официанты убирают помещение, разгребают остатки поленьев в каминах, моют посуду. Потом открывается дверь и входит Старик Мюнден. Гамаш понятия не имел, как выглядит Старик Мюнден, а потому представлял себе персонажа с полотна Питера Брейгеля Старшего. Сутулый веселый фермер. Вот он входит в дверь бистро, и молодой официант, вероятно, помогает принести отремонтированные стулья. Мюнден и Оливье обмениваются несколькими словами. Из рук в руки переходят деньги, и Мюнден удаляется с новыми стульями, подлежащими ремонту.

А что потом?

Судя по тому, что узнала Лакост, официанты ушли незадолго до Оливье и Мюндена. И в бистро остался один-единственный человек.

– Ну и как тебе показался Хэвок Парра? – спросил Гамаш.

– Его вроде бы удивило произошедшее, – ответила Лакост. – Конечно, может быть, он только делал вид. Трудно сказать наверняка. Но вот его отец рассказал мне кое-что интересное. Он подтвердил то, что мы уже слышали. Он видел в лесу какого-то человека.

– Когда?

– Этим летом, немного раньше. Рор Парра работает в старом доме Хадли на новых владельцев. И ему показалось, что он видел там кого-то.

– Показалось? Или в самом деле видел? – спросил Бовуар.

– Показалось. Он бросился за ним, но тот исчез.

Несколько секунд все молчали, затем Гамаш сказал:

– Хэвок Парра утверждает, что запер бистро и покинул его около часа ночи. Шесть часов спустя Мирна Ландерс, направляясь на прогулку, обнаруживает там мертвое тело. Почему в Трех Соснах, почему именно в бистро убивают какого-то человека?

– Если Хэвок и в самом деле запер замок, значит убийце было известно, где взять ключ, – сказала Лакост.

– Или же ключ у него был, – добавил Бовуар. – Знаете, что меня удивляет? Меня удивляет то, что убийца оставил труп в бистро.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Лакост.

– Там никого не было. Ночь стояла темная. Почему бы не унести тело в лес? Тащить недалеко – всего несколько сотен футов. Лесные животные довершили бы дело, и тогда убитого вообще никогда не нашли бы. А мы бы никогда не узнали, что было совершено убийство.

– Каковы твои соображения по этому поводу? – спросил Гамаш.

Бовуар подумал и ответил:

– Мне кажется, кому-то было нужно, чтобы тело нашли.

– Именно в бистро? – уточнил Гамаш.

– Именно в бистро.

Глава седьмая

Оливье и Габри прошли по деревне. Было около семи, и в домах уже зажигался свет. Но в бистро было темно и пусто.

– Боже, – раздался из темноты чей-то хриплый голос. – Педики на прогулке.

– Merde,²⁵ – сказал Габри. – Деревенская сумасшедшая сбежала со своего чердака.

Рут Зардо в сопровождении Розы похромала к ним навстречу.

– Говорят, ты наконец-то убил кого-то своим остроумием, – сказала Рут Габри, шагая с ними в ногу.

– Вообще-то, я слышал, что он прочел одно из твоих стихотворений и его мозг взорвался, – ответил Габри.

– Хотела бы я, чтобы так оно и было, – сказала Рут, взяла их обоих под руки, и они бок о бок зашагали к Питеру и Кларе. – Как у вас дела? – тихо спросила она.

– Нормально, – ответил Оливье, не глядя на темное бистро, мимо которого они как раз проходили.

Это бистро было его детищем, его творением. Все, что было у него хорошего, он вложил в это бистро. Все свои лучшие старинные вещи, самые удачные рецепты, великолепные вина. Иногда вечерами он стоял за стойкой бара, делая вид, что протирает стаканы. На самом же деле он просто слушал смех и смотрел на людей, пришедших в его бистро. Они были рады ходить сюда. Это было их место. И его тоже.

До сего дня.

Кто захочет приходить туда, где произошло убийство?

А если людям станет известно, что он знал Отшельника? Если они узнают, что сделал он, Оливье? Лучше ничего не говорить и ждать развития событий. Все и без того было плохо.

Перед домом Питера и Клары они замедлили шаг. Внутри они увидели Мирну, которая расставляла яркие цветочные композиции на кухонном столе, уже накрытом к ужину. Клара выражала восторг красотой и изяществом букетов. Слов они не слышали, но ее восторг был очевиден. В гостиной Питер подкладывал еще одно полено в камин.

Рут отвела взгляд от этой идиллической картинке и посмотрела на мужчину рядом с ней. Старая поэтесса шепнула ему на ухо так тихо, что даже Габри не услышал:

– Не спеши. Все будет хорошо, ты это знаешь, верно?

Она снова повернулась и посмотрела на Клару, которая обнимала Мирну, на Питера, который вошел в кухню и тоже восхитился цветами. Оливье нагнулся, поцеловал Рут в морщинистую холодную щеку и поблагодарил ее. Но он знал, что она ошибается. Она не знала того, что знал он.

Хаос нашел Три Сосны. Он опускался на них, и вскоре они лишатся всего, что было безопасным, теплым и добрым.

* * *

Питер налил им всем выпивку – всем, кроме Рут, которая уже успела налить себе и усесться перед огнем посреди дивана, прихлебывая виски из стакана. Роза, переваливаясь, прошла по комнате – на нее больше никто не обращал внимания. Даже Люси, золотой ретривер Питера и Клары, почти не смотрела на Розу. Когда поэтесса в первый раз пришла со своей уткой,

²⁵ Дерьмо (фр.).

хозяева потребовали, чтобы утка осталась за дверью, но Роза так раскрякалась, что они были вынуждены открыть ей дверь – только тогда утка успокоилась.

– Bonjour, – раздался из прихожей знакомый низкий голос.

– Боже, неужели вы пригласили Клузо?²⁶ – спросила Рут, обращаясь к пустой комнате. Пустой, за исключением Розы, которая устремилась к хозяйке и встала рядом с ней.

– Очень мило, – заметила Изабель Лакост, когда они прошли из прихожей в просторную кухню.

Длинный кухонный стол был подготовлен к трапезе, на нем стояли корзиночки с нарезанными батонами, масло, кувшины с водой и бутылки с вином. Здесь пахло чесноком, розмарином и базиликом – все свежее, только что с огорода.

А в середине стола красовались поразительные букетики алтея, белой плетистой розы, клематиса, душистого горошка и ароматных розовых флоксов.

Налили еще выпивку, и гости переместились в гостиную, где переходили с одного места на другое, то пощипывая сыр, то попивая апельсиновый сок, то грызя фисташковые орешки.

В другом конце комнаты Рут допрашивала старшего инспектора:

– И вы даже не подозреваете, кто такой этот убитый?

– К сожалению, – ровным голосом ответил Гамаш. – Пока.

– А вы знаете, чем его убили?

– Non.²⁷

– Есть какое-то представление о том, кто это сделал?

Гамаш отрицательно покачал головой.

– Есть какое-то представление, почему это случилось в бистро?

– Ни малейшего, – ответил Гамаш.

Рут сердито посмотрела на него:

– Хотела убедиться, что вы, как и всегда, некомпетентны. Приятно, что можно хоть в чем-то быть уверенным.

– Благодарю вас за одобрение.

Гамаш слегка поклонился Рут и направился к камину. Он взял кочергу и принялся ее изучать.

– Это кочерга, – сказала Клара, возникнув у его локтя. – Чтобы шуровать в топке.

Она улыбалась, глядя на него. Гамаш понял, что вид у него, должно быть, странный: разглядывает кусок металла, словно никогда не видел кочергу прежде. Он положил кочергу. Крови на ней не было. К его облегчению.

– Я слышал, что через несколько месяцев у вас будет выставка. – Он повернулся к Кларе с улыбкой на губах. – Вероятно, это будет захватывающее зрелище.

– Ну, если вас захватывает, когда к вашему носу подносят сверло бормашины, то да.

– Так плохо?

– О, вы же понимаете. Это пытка.

– Вы закончили все картины?

– Они все готовы. Дерьмо, конечно, но, по крайней мере, они закончены. Обсудить, как их развешивать в галерее, придет сам Дени Фортен. У меня в голове уже выстроился определенный порядок. Если он не согласится, у меня есть план. Я начну плакать.

Гамаш рассмеялся:

– Именно так я стал старшим инспектором.

– Я же тебе говорила, – прошипела Рут, обращаясь к Розе.

²⁶ Старший инспектор Жак Клузо – кинематографический комедийный персонаж, герой серии фильмов «Розовая пантера».

²⁷ Нет (*фр.*).

– Ваша живопись великолепна, Клара. И вам это известно, – сказал Гамаш, уводя Клару в сторону.

– Откуда вы знаете? Вы видели только одну вещь. Может быть, другие – полный провал. Не знаю, не ошиблась ли я, подбирая краски по номерам.

Гамаш скорчил шутливую гримасу.

– Хотите их увидеть? – спросила Клара.

– Очень.

– Отлично. Давайте после обеда. Так у вас будет около часа, чтобы попрактиковаться говорить: «Боже мой, Клара, ничего лучше этого в истории живописи не было!»

– Толкаете меня на подхалимство? – улыбнулся Гамаш. – Именно так я и стал инспектором.

– Вы настоящий человек эпохи Просвещения.

– Я смотрю, у вас это тоже неплохо получается.

– Mercí. Кстати, о вашей работе: вы так и не знаете, кто этот убитый? – Она понизила голос: – Вы сказали Рут, что не знаете. Но так ли это на самом деле?

– Думаете, я стал бы ей лгать? – спросил Гамаш. Впрочем, почему бы и нет, ведь все остальные лгут. – Вы хотите узнать, насколько близко мы подошли к раскрытию преступления?

Клара кивнула.

– Трудно сказать. У нас есть некоторые наводки, некоторые идеи. Наша задача осложняется тем, что мы не знаем, кем был убитый.

– А что, если так и не узнаете?

Гамаш посмотрел на Клару. Послышалось ли ему, или в ее голосе действительно прозвучала какая-то нотка? Недостаточно хорошо скрытое желание, чтобы они никогда не выяснили, кем был убитый?

– Это затрудняет нашу работу, – согласился он, – однако не делает ее невыполнимой.

В его голосе, звучавшем до этого расслабленно, появилась жесткость. Он хотел, чтобы Клара знала: так или иначе, но они раскроют это преступление.

– Вы были вчера в бистро?

– Нет, мы ездили с Мирной на ярмарку. Обед там был ужасный – картошка фри, бургеры, сахарная вата. Покатались немного на лошадях, посмотрели выступление местных талантов и вернулись сюда. Мирна, наверное, потом пошла в бистро, но мы устали.

– Мы знаем, что убитый не из местных. Он чужак. Вы не видели в деревне посторонних?

– Появляются тут туристы с рюкзаками, велосипедисты, – задумчиво сказала Клара, прихлебывая красное вино. – Но большинство из них моложе. Насколько я понимаю, убитый был довольно пожилым человеком.

Гамаш не сказал ей о том, что сообщила ему сегодня утром коронер.

– Рор Парра поведал агенту Лакост, что видел кого-то этим летом – человек скрывался в лесу. Вы что-нибудь об этом знаете? – Он внимательно посмотрел на нее.

– Скрывался? Это звучит как-то мелодраматично, верно? Нет, ни я, ни Питер никого не видели. Он бы мне сказал, случись что-то такое. Мы проводим много времени в своем саду. Если бы кто-то появился, мы бы увидели.

Она махнула в сторону заднего двора, сейчас погруженного в темноту, но Гамаш знал, что он большой и уходит слегка под уклон к реке Белла-Белле.

– Мистер Парра видел его не там, – возразил Гамаш. – Он видел его там. – Он показал в сторону старого дома Хадли на холме.

Они взяли свои стаканы и вышли на веранду. На Гамаше были брюки из шерстяной ткани, рубашка, пиджак, галстук. На Кларе – свитер, очень кстати. В начале сентября ночи становились длиннее и холоднее. Во всех домах деревни горел свет. Даже в доме на холме.

Несколько секунд они молча смотрели на дом.

– Говорят, его продали, – сказал наконец Гамаш.

Клара кивнула. До них доносился гул разговора из гостиной. В свете из окна Гамаш видел профиль Клары.

– Несколько месяцев назад, – сказала она. – Что у нас сегодня? День труда? Кажется, они купили дом в июле, и с тех пор там ведутся работы. Молодая пара. По крайней мере, моих лет. А мне это кажется молодостью.

Она рассмеялась.

Гамашу трудно было представить, что старый дом Хадли в Трех Соснах обретет хозяев. Прежде всего, этот дом вроде никогда и не был частью деревни. Он казался обвинителем, наблюдателем, расположившимся на холме и смотревшим оттуда на них. Он осуждал. Он требовал жертв и иногда забирал кого-нибудь из обитателей деревни и убивал их.

Страшные события происходили там.

Ранее в этом году Гамаш приезжал сюда со своей женой Рейн-Мари и помогал местным жителям перекрасить и отремонтировать дом. Он верил, что все должно получить хотя бы еще один шанс. Даже дом. Была надежда, что кто-нибудь все же его купит.

И вот кто-то его купил.

– Я знаю, что они наняли Рора для работы в саду, – сказала Клара. – Хотят привести его в порядок. Рор построил там сарай и даже стал расчищать тропинки. В лесу во времена Тиммера Хадли было километров пятьдесят дорожек для верховой езды. Все они, конечно, заросли. Рору там предстоит много работы.

– Он рассказывал, что во время работы видел в лесу какого-то незнакомого человека. Сказал, что некоторое время чувствовал, будто за ним наблюдают, но лишь один раз вроде бы увидел кого-то. Попытался за ним бежать, но тот исчез.

Гамаш перевел взгляд со старого дома Хадли на деревню Три Сосны. На лугу мальчишки играли в американский футбол, используя последние минуты летних каникул. До Гамаша доносились голоса жителей, сидящих на своих террасах и наслаждающихся ранним вечером. Но главной темой разговоров было не созревание помидоров, не похолодание и не запас дров на зиму.

В тихую деревеньку приползло что-то нехорошее. В воздухе висели такие слова, как «убийца», «кровь», «труп». И что-то еще. Слабый запах розовой воды и сандалового дерева, исходивший от человека рядом с Кларой.

Внутри дома Изабель Лакост наливала себе разбавленный водой виски, взяв бутылку с подноса, стоящего на пианино. Она оглядела комнату. Одна стена была целиком закрыта книжными стеллажами, за исключением окна и двери на веранду, через которую она видела Клару и своего начальника.

В другом конце комнаты Мирна разговаривала с Оливье и Габри. Питер тем временем хозяйничал в кухне, а Рут выпивала перед камином. Лакост уже приходила в дом Морроу, но только для того, чтобы допросить хозяев. Не как гостя.

Здесь было очень уютно. Она представляла себе, как вернется в Монреаль и убедит мужа продать их дом, забрать детей из школы, бросить работу и переехать сюда. Найти коттедж на окраине деревни и устроиться на работу в бистро или в книжную лавку Мирны.

Лакост уселась в кресло. Из кухни вышел Бовуар с ломтиком хлеба с паштетом в одной руке и стаканом пива – в другой. Он направился к дивану. Но вдруг остановился, будто его толкнули, изменил курс и вышел из дома.

Рут поднялась и, прихрамывая, подошла к подносу с напитками. На ее лице гуляла зло-радная ухмылка, словно морской монстр нырнул опять на дно в ожидании жертвы.

– Вы не скажете, когда мы сможем открыть бистро? – спросил Габри, когда он, Оливье и Мирна присоединились к Лакост.

– Габри! – раздраженно прикрикнул на него Оливье.

– А что? Я только спросил.

– Мы сделали все, что нужно, – сказала Лакост Оливье. – Можете открываться, когда захотите.

– Долго оставаться закрытыми вам нельзя, – подхватила Мирна. – Иначе мы все помрем с голоду.

Питер высунул голову из кухни и объявил:

– Обед!

– Хотя, может быть, и не прямо сейчас, – пробормотала Мирна, двигаясь в сторону кухни.

Рут поднялась с дивана и направилась к двери на веранду.

– Вы что, оглохли? – крикнула она Гамашу, Бовуару и Кларе. – Обед стынет. Заходите.

Бовуар, проходя мимо нее, ощутил спазм прямой кишки. Клара последовала за Бовуаром к обеденному столу. Но Гамаш задержался.

Он даже не сразу понял, что остался не один. Рядом с ним стояла Рут, высокая, негнущаяся, опираясь на трость. На ее лицо, изборожденное морщинами, падал свет из окна.

– Странный подарок получил Оливье, вы не находите?

Старческий голос, пронзительный и неровный, прорезался сквозь смех, доносившийся с деревенского луга. Гамаш повернулся к ней:

– Что вы сказали?

– Покойник. Даже вы не можете быть настолько дремучим. Кто-то преподнес Оливье этот подарок. Возможно, Оливье жадный и бестолковый парень. Возможно, еще и довольно слабый. Но он никого не убивал. Так почему кто-то выбрал для убийства именно его быстро?

Гамаш поднял брови:

– Вы думаете, кто-то *выбрал* быстро?

– Это произошло не случайно. Убийца намеренно сделал это в бистро Оливье. Он подарил Оливье этот труп.

– Чтобы убить не только человека, но и бизнес? – спросил Гамаш. – Это как дать белый хлеб золотой рыбке?

– Пошел ты в жопу, – сказала Рут.

– «Ничто из моих подарков не устраивало тебя, – процитировал Гамаш. – Это было как дать белый хлеб золотой рыбке».

Рут Зардо рядом с ним напряглась, потом низким хриплым голосом закончила собственное стихотворение:

Они толкуются и толкуются, убивая себя,
они плавают в пруду животами вверх,
с ошарашенными лицами,
играют на нашем чувстве вины,
словно и не были виноваты
в собственном убийственном обжорстве.

Гамаш выслушал стихотворение, одно из самых его любимых. Он посмотрел в сторону бистро, темного и пустого, хотя вечером оно должно быть наполнено местными жителями.

А что, если Рут права? И кто-то специально выбрал это бистро? Но это означает, что Оливье каким-то образом втянут в эту историю. Не сам ли он причина случившегося? Кто в деревне настолько ненавидел бродягу, что был готов его убить? И кто из них настолько ненавидел Оливье, чтобы сделать это в его бистро? Или бродяга был всего лишь удобным инструментом? Невезучий человек, оказавшийся не в том месте? Человек, которым воспользовались как оружием против Оливье.

– И у кого, по-вашему, могло возникнуть желание подбросить такой подарочек Оливье? – спросил Гамаш.

Рут пожала плечами, потом повернулась и ушла в дом. Гамаш проследил за тем, как она заняла место среди своих друзей, ведущих себя на знакомый друг другу манер, знакомый теперь и ему.

И убийце?

Глава восьмая

Вечер подходил к концу. На обед была кукуруза в початках, сливочное масло, свежие овощи из огорода Питера и Клары и целый лосось, зажаренный на открытом огне. Гости дружески болтали, передавая друг другу теплый хлеб и угощаясь салатом.

В центре стола расположилась сотворенная руками Мирны цветочная композиция, создававшая ощущение, будто они находятся в саду. Гамаш услышал, как Лакост спрашивает у сидящих рядом с ней о ярмарке в округе Брум. Напротив Бовуара сидела Рут, поедавшая его глазами. Гамаш не мог понять почему, хотя, возможно, для Рут это была единственная форма самовыражения.

Гамаш повернулся к Питеру, который подавал рукколу, кудрявый салат и свежие зрелые помидоры:

– Я слышал, что старый дом Хадли продан. Вы встречались с новыми владельцами?

Питер передал ему изготовленную из капа чашу с салатом:

– Встречались. Их фамилия Жильбер. Марк и Доминик. Приехали из Квебек-Сити. С ними живет и его мать. Она из Квебек-Сити. Кажется, работала медсестрой. Давно на пенсии. Доминик работала в рекламном агентстве в Монреале, а Марк – в инвестиционной дилерской фирме. Заработал состояние и рано отошел от дел – еще до того, как рынок сдулся.

– Повезло.

– Это не везение, а расчет, – возразил Питер.

Гамаш попробовал салат. Он ощутил слабый вкус чеснока, оливкового масла и свежего тархуна. Питер налил им еще по стаканчику красного вина и передал бутылку в другой конец длинного стола. Гамаш попытался понять, есть ли в комментарии Питера двойное дно, подтекст. Что имел в виду Питер, говоря «расчет»? Проницательность, коварство, хитрость? Но нет, Гамаш чувствовал, что Питер имел в виду лишь то, что сказал. Это была похвала. Если Питер Морроу редко кого-то оскорблял, то и на похвалы он не был щедр. Но Марк Жильбер, похоже, произвел на него впечатление.

– Вы их хорошо знаете?

– Приглашал несколько раз на обед. Милая пара.

Для Питера это была высшая степень похвалы.

– Любопытно, что, имея немало денег, они купили старый дом Хадли, – сказал Гамаш. – Он пустовал год или больше. Вероятно, они могли купить любой дом в округе.

– Мы тоже немного удивились, но они сказали, что хотят начать жизнь с чистого листа в доме, который они смогут назвать своим. Знаете, они практически выпотрошили дом. Вместе с домом они купили еще и немало земли, а Доминик хочет обзавестись лошадьми.

– Я слышал, что Рор Парра расчищает дорожки.

– На это уйдет много времени.

Голос Питера понизился до шепота, и со стороны их можно было принять за заговорщиков.

– Слишком большой дом для трех человек. Дети у них есть?

– Нет.

Питер прошелся взглядом вдоль стола, потом вернулся к Гамашу. На кого он сейчас смотрел? На Клару? На Габри? Трудно было сказать.

– Они обзавелись здесь друзьями? – Гамаш произнес это нормальным голосом, откинувшись на спинку стула и набирая на вилку салат.

Питер снова скользнул взглядом вдоль стола и еще больше понизил голос:

– Не совсем.

Прежде чем Гамаш успел перехватить взгляд Питера, тот выпрямился и начал убирать со стола. Он дошел до посудомойки и оглянулся на своих друзей – те сидели за столом, беззаботно болтая. Они сидели близко друг к другу. Так близко, что можно протянуть руку и прикоснуться к соседу, что они и делали время от времени.

А Питер не мог. Он стоял в стороне и наблюдал. Ему не хватало Бена, который прежде жил в старом доме Хадли. Питер играл там ребенком. Знал его уголки и потайные места. Все страшные закоулки, где обитали призраки и пауки. Но теперь там жил кто-то другой и превратил этот дом в нечто иное.

Думая о Жильберах, Питер чувствовал, как немного воспаряет его собственное сердце.

– О чем вы думаете?

Питер вздрогнул, поняв, что Арман Гамаш стоит рядом с ним.

– Да так.

Гамаш взял миксер из рук Питера, налил сливки в охлажденную чашу сбивалки и насыпал немного ванили. Потом включил миксер и подался к Питеру. Жужжание мотора заглушало его голос для всех, кроме Питера.

– Расскажите мне о старом доме Хадли и живущих там людях.

Питер замялся было, но он знал, что Гамаш все равно не остановится, пока не узнает все, что ему нужно. Питер заговорил, его слова заглушались работающим миксером для всех, кто находился от него дальше шести дюймов.

– Марк и Доминик собираются открыть гостиницу класса люкс и спа-салон.

– В старом доме Хадли?

Гамаш был настолько удивлен, что Питер чуть не рассмеялся.

– Ну, там многое изменилось. Сходите посмотрите. Это фантастика.

Старший инспектор подумал, могут ли слой краски и новые бытовые приборы изгонять демонов. И знает ли об этом католическая церковь.

– Но не всем это нравится, – продолжал Питер. – Они пригласили на собеседование некоторых сотрудников Оливье и предложили им более высокую плату. Большую часть персонала Оливье удалось сохранить, но ему пришлось повысить им жалованье. Эти двое практически не общаются.

– Марк и Оливье? – уточнил Гамаш.

– Они и в одной комнате не стали бы находиться.

– Наверное, это создает проблемы, когда живешь в небольшой деревне.

– Я бы так не сказал.

– Тогда почему мы перешептываемся? – Гамаш выключил миксер и заговорил нормальным голосом.

Питер смутился, снова кинул взгляд в сторону стола:

– Слушайте, я знаю: Оливье это переживает, но пока лучше не поднимать эту тему.

Питер протянул Гамашу песочный пирог, уже разрезанный пополам. Сверху он разложил нарезанные дольки клубники, купающиеся в собственном алом соке.

Гамаш заметил, что Клара встала и Мирна потащила ее вслед за ней. Оливье подошел к кофеварке и засыпал кофе.

– Могу я чем-то помочь? – спросил Габри.

– Вот, намазывай кремом, – сказал Питер и уточнил, когда Габри пошел к Оливье с ложкой взбитого крема: – Пирог, Габри, намазывай пирог!

Вскоре за пирогом с клубникой выстроилась очередь. Получив свое, они повернулись к столу – и замерли на месте, ошеломленные.

Там, освещенные пламенем свечей, стояли творения Клары. Во всяком случае, три из них. На пюпитрах. У Гамаша внезапно закружилась голова, словно он переместился во времени в эпоху, когда жили Рембрандт, да Винчи, Тициан. Тогда произведения искусства можно было

видеть лишь при свете дня или свечей. Не так ли впервые предстала зрителю Мона Лиза? Сикстинская капелла? В свете свечей, словно пещерные рисунки?

Гамаш вытер руки о кухонное полотенце и подошел к трем пюпитрам. Другие гости сделали то же самое. Вокруг них подрагивало пламя свечей, давая куда больше света, чем предполагал Гамаш. Хотя, быть может, картины Клары сами создавали свет.

— У меня, конечно, есть и другие, но эти будут в центре экспозиции в «Галери Фортен».

Но ее никто не слушал. Все смотрели на картины. На одну, на другую, на третью. Гамаш на секунду отошел назад, чтобы оценить живопись.

Три портрета, с которых на него смотрели три пожилые женщины.

Одним из них был, конечно, портрет Рут. Тот самый портрет, который и привлек внимание Дени Фортена. Тот самый, который понравился ему настолько, что он предложил организовать эту беспрецедентную выставку. Тот самый, о котором говорил мир искусств от Монреаля до Торонто, от Нью-Йорка до Лондона. Говорили о новом таланте, сокровище, открытом на просторах Восточных кантонов Квебека.

И вот теперь этот портрет стоял перед ними.

Клара Морроу изобразила Рут в виде пожилой, всеми забытой Девы Марии. Злющая, безумная Рут на портрете была исполнена отчаяния и тоски. Тоски по прожитой жизни, по упущенным возможностям, по утратам и предательствам, реальным и вымышленным, созданным ею самой и другими людьми. Тощими руками она цеплялась за грубую синюю материю шали, которая соскользнула с одного ее костлявого плеча, обнажив обвисшую кожу — словно что-то высохшее и пустое.

И в то же время портрет светился, наполняя комнату лучиками света, исходящими из ее глаз. Ожесточенная, безумная Рут видела впереди что-то находящееся далеко-далеко, но приближающееся. Скорее воображаемое, чем реальное.

Надежду.

Кларе удалось передать то мгновение, когда отчаяние превращается в надежду. То мгновение, когда начинается жизнь. Ей удалось каким-то образом изобразить благодать.

У Гамаша перехватило дыхание, он почувствовал жжение в глазах. Моргнул и отвернулся, словно увиденное ослепило его. Он заметил, что и все остальные в комнате разглядывают портреты, черты их лиц в свете свечей смягчились.

На следующем портрете была изображена мать Питера. Гамаш был знаком с ней и, увидев раз, уже не мог забыть. Клара изобразила ее смотрящей на зрителя. Не вдаль, как Рут, а на что-то находящееся вблизи. Очень близко. Ее седые волосы были собраны в свободный узел, лицо испещрено сетью морщин, словно стекло, треснувшее, но не распавшееся. Она была белая, розовая, здоровая и красивая. Ее спокойная, мягкая улыбка доходила до самых ее нежных голубых глаз. Гамаш почти ощущал запах гигиенической пудры и корицы. Но в то же время этот портрет вызывал у него какое-то беспокойство. И вдруг он понял почему. Ее слегка вывернутая наружу рука. Пальцы словно выходили с холста. Касались его, Гамаша. У него возникало ощущение, что эта мягкая, красивая пожилая женщина сейчас прикоснется к нему. А если она сделает это, то он испытает такую печаль, какой не знал за всю жизнь. Познает ту пустоту, в которой нет ничего, даже боли.

Она вызывала отторжение. Но он ничего не мог с собой поделать — она одновременно притягивала его. Так человека, который боится высоты, тянет к краю пропасти.

Изображенная на третьем портрете пожилая женщина была ему незнакома. Он никогда ее не видел. Он подумал, что это, вероятно, мать Клары. Было в ней что-то отдаленно знакомое.

Гамаш присмотрелся внимательнее. Клара писала красками людские души, и он хотел понять, что это за душа перед ним.

Женщина смотрела счастливым взглядом. Улыбалась, оглянувшись через плечо на что-то очень интересное. На что-то очень важное для нее. На ней тоже была шаль, красная шаль из

старой грубой шерсти. Она казалась человеком, который знал богатство, но внезапно обеднел. Но, судя по ее виду, это не имело для нее значения.

«Интересно, – подумал Гамаш. – Она движется в одном направлении, но смотрит в другом. На то, что находится у нее за спиной». От женщины на портрете исходило поразительное ощущение томления. Гамаш понял, что этот портрет вызывает у него желание придвинуть поближе кресло, налить чашку кофе и смотреть на него остаток вечера. Остаток жизни. Это было соблазнительно. И опасно.

Он с усилием оторвал глаза от портрета и обнаружил, что Клара стоит в темноте и наблюдает за реакцией своих друзей, разглядывающих ее творения.

Смотрел и Питер. С выражением нескрываемой гордости.

– Bon Dieu, – произнес Габри. – C'est extraordinaire.²⁸

– Félicitations,²⁹ Клара, – сказал Оливье. – Боже мой, какая великолепная живопись. У тебя есть еще и другие?

– Ты хочешь знать, не нарисовала ли я тебя? – спросила она и рассмеялась. – Non, mon beau.³⁰ Только Рут и мать Питера.

– А это кто? – Лакост указала на портрет, который разглядывал Гамаш.

Клара улыбнулась:

– Не скажу. Вы должны догадаться.

– Это я? – спросил Габри.

– Да, Габри, это ты, – кивнула Клара.

– Правда? – Он слишком поздно заметил ее улыбку.

Самое забавное, что это вполне мог быть Габри. Гамаш снова посмотрел на портрет в пламени свечей. Не физически, а эмоционально. В портрете было счастье. Но было и что-то еще. Что-то не совпадающее с Габри.

– Так, где тут я? – спросила Рут и, хромя, подошла к портретам.

– Ты – старая пьяница, – сказал Габри. – Вот где ты.

Рут уставилась на свою точную копию:

– Не вижу. Больше похоже на тебя.

– Ведьма, – пробормотал Габри.

– Педик, – бросила она в ответ.

– Клара изобразила тебя в виде Девы Марии, – объяснил Оливье.

Рут подалась поближе и покачала головой.

– Дева? – прошептал Габри Мирне. – Судя по всему, затраченные мозги не в счет.

– Кстати... – Рут скользнула взглядом по Бовуару. – Питер, у тебя найдется листик бумаги? Во мне рождаются стихи. И вот еще: как по-твоему, допустимо ли в одном предложении присутствие слов «задница» и «жоноголовый»?

Бовуар поморщился.

– Просто закрой глаза и думай об Англии, – посоветовала Рут Бовуару, который, вообще-то, думал о ее английском.

Гамаш подошел к Питеру, не сводившему глаз с картин жены.

– Ну как вы?

– Вы хотите узнать, не возникает ли у меня желания исполосовать их в клочья бритвой, а потом сжечь?

– Что-то в этом роде.

²⁸ Боже милостивый. Это нечто исключительное (*фр.*).

²⁹ Мои поздравления (*фр.*).

³⁰ Нет, красавчик (*фр.*).

У них уже был похожий разговор, когда стало ясно, что Питеру вскоре придется уступить жене свое место лучшего художника в семье, в деревне, в провинции. Питер пытался противиться этому, но не всегда успешно.

– Я не смог бы ее сдержать, даже если бы попытался, – сказал Питер. – А пытаться я не хочу.

– Ну, есть все же разница между «сдержать» и «активно поддерживать».

– Они так прекрасны, что даже я не могу больше это отрицать, – признал Питер. – Она меня просто поражает.

Они оба перевели взгляд на невысокую полненькую женщину, которая встревоженно смотрела на своих друзей, явно не отдавая себе отчета в том, что из-под ее кисти вышли шедевры.

– Вы над чем-то работаете? – Гамаш кивнул в сторону закрытой двери в студию Питера.

– Всегда работаю. Сейчас это полено.

– Полено? – переспросил Гамаш с изумлением.

Питер Морроу был одним из самых успешных художников в стране, и он заслужил эту репутацию, изображая прозаичные, повседневные предметы, причем изображая с мучительными подробностями, отчего они переставали быть узнаваемыми. Он брал крупный план, увеличивал какую-то часть предмета и рисовал.

Его работы казались абстрактными. Питер получал громадное удовлетворение оттого, что они таковыми не были. Они представляли реальность в крайнем своем выражении. В таком крайнем, что никто их не узнавал. И вот подошла очередь полена. Питер выбрал его из груды рядом с камином, и теперь оно ждало его в студии.

Были поданы десерт, кофе, коньяк, люди разбрелись по дому, Габри сел за пианино, а Гамаш все никак не мог оторваться от полотен. В особенности от того, на котором была изображена незнакомая ему женщина. Оглядывающаяся через плечо. К нему подошла Клара.

– Боже мой, Клара, ничего лучше этого в истории живописи не было!

– Вы и правда так думаете? – спросила она с напускной серьезностью.

Гамаш улыбнулся:

– Знаете, это блестящие работы. Вам нечего бояться.

– Если это правда, то я ничего не смыслю в искусстве.

Гамаш кивнул в сторону портрета, от которого не мог оторваться:

– Кто она?

– Одна знакомая женщина.

Гамаш ждал, но Клара молчала, что было совсем непохоже на нее, и он решил, что в общем-то это не имеет значения. Она отошла от него, а Гамаш продолжал разглядывать портрет, и на его глазах картина начала меняться. А может, это была игра неустойчивого света. Но чем больше он смотрел, тем сильнее утверждался в убеждении, что Клара вложила в картину что-то еще. Если Рут была отчаявшейся женщиной, которая обрела надежду, то и в этом портрете тоже было скрыто что-то неожиданное.

Счастливая женщина, которая увидела неподалеку от себя нечто такое, что успокоило, утешило ее. Но ее глаза были устремлены на что-то другое, фиксировали что-то еще. Что-то далекое. И при этом она шла вперед.

Гамаш пригубил коньяк, продолжая смотреть. И постепенно начал понимать, какое чувство овладевает этой женщиной.

Страх.

Глава девятая

Трое полицейских попрощались с хозяевами и гостями и зашагали по деревне. Было одиннадцать часов, и стояла полная темнота. Лакост и Гамаш остановились, чтобы посмотреть на ночное небо. Бовуар, как всегда шедший немного впереди, вдруг понял, что остался один, и тоже остановился. Он неохотно поднял голову и с удивлением увидел, что на небе полно звезд. Он вспомнил прощальные слова Рут: «„Жан Ги“ и „ущипни“ – почти что рифма, правда?»

Похоже, он попал в беду.

В этот момент над книжной лавкой Мирны, на ее чердаке, загорелся свет. Они видели, как она ходит у себя, готовит чай. Потом свет погас.

– Мы только что видели, как она наливает себе чай и кладет в вазочку печенье, – сказал Бовуар.

Остальные не могли понять, зачем он говорит столь очевидные вещи.

– Сейчас темно. Чтобы делать что-то дома, нужен свет, – продолжил Бовуар.

Гамаш обдумал эту цепочку банальных заявлений, но первой сообразила Лакост:

– Бистро прошлой ночью. Разве убийце не нужно было включить свет? А если он его включил, то неужели никто не заметил?

Гамаш улыбнулся. Они были правы. Свет в бистро наверняка кто-нибудь да заметил.

Он огляделся, чтобы понять, из каких домов бистро виднее всего. Но дома расходились от него веером, наподобие крыльев. Никто оттуда не мог отчетливо видеть эти окна. Вот разве что из домов напротив. Гамаш повернулся. Перед ним стояли три величественные сосны. Они должны были видеть, как один человек забрал жизнь другого. Но прямо напротив бистро было и кое-что еще. Напротив и выше.

Старый дом Хадли. Он стоял вдалеке, но ночью, когда в бистро загорелся свет, его новые обитатели вполне могли стать свидетелями убийства.

– Есть еще одна вероятность, – сказала Лакост. – Убийца мог вообще не включать свет. Он ведь понимал, что его могут увидеть.

– Ты хочешь сказать, что он воспользовался фонариком? – спросил Бовуар.

Он представил себе убийцу в бистро ночью, в ожидании жертвы. Представил, как убийца включает фонарик, чтобы сориентироваться.

Лакост покачала головой:

– Это тоже было бы заметно снаружи. Я думаю, он даже на такой риск не хотел идти.

– Значит, он не включал света, – сказал Гамаш, понимая, какой вывод следует из этих слов. – Потому что свет ему был не нужен. Он и в темноте здесь прекрасно все знал.

* * *

Следующее утро забрезжило ярким и свежим рассветом. Солнце еще не потеряло тепла, и Гамаш, который перед завтраком вышел прогуляться по деревне, вскоре снял свитер. Несколько мальчишек, вставших раньше родителей и бабушек с дедушками, использовали последние минуты, чтобы половить лягушек в пруду. Они не замечали его, и он какое-то время с удовольствием наблюдал за ними издалека, а потом продолжил свой одинокий мирный променада. Он помахал Мирне, которая совершала собственную одиночную прогулку и в это время как раз находилась на вершине холма.

Это был последний день летних каникул, и хотя Гамаш закончил школу много десятилетий назад, он все еще чувствовал возбуждение. Смешанное чувство: с одной стороны, конец лета, а с другой – возможность снова увидеть школьных друзей. Новая одежда – за лето он

успевал подрасти. Новые карандаши, которые он затачивал снова и снова. И запах карандашной стружки. И новые учебники. Все это всегда было захватывающим. Все чистое. Еще нет никаких ошибок. Все, что есть, – это обещание и будущее.

Похожие чувства он испытывал и когда приступал к расследованию нового убийства. Но что, если они успели запачкать свои книги? Что, если успели наделать ошибок?

Он медленно обходил деревню и, глядя вдаль, размышлял обо всем этом. Сделав несколько неторопливых кругов, он вернулся в дом завтракать.

Бовуар и Лакост уже спустились вниз, перед ними стояли чашки с пенистым кофе с молоком. Они встали, когда Гамаш вошел, но он жестом велел им садиться. С кухни доносился аромат приправленного кленовым соком бекона, яиц и кофе. Не успел Гамаш сесть, как из кухни появился Габри и принес тарелки с яйцами «Бенедикт», фруктами и сдобными булочками.

– Оливье только что отправился в бистро. Он еще не знает, откроется ли сегодня, – сообщил этот крупный человек, выглядевший сегодня утром очень похоже на Джулию Чайлд.³¹ – Я ему сказал, что стоит попробовать, но мы посмотрим. Я сказал, что он потеряет деньги, если не откроется. Обычно этого хватает, чтобы разрешить его сомнения. Булочки?

– *S'il vous plaît*,³² – сказала Изабель Лакост.

Булочки выглядели как ядерный взрыв. Изабель Лакост скучала по детям и мужу. Но ее удивляло, как эта маленькая деревенька умеет лечить даже такие раны. Конечно, если натолкать в рану достаточное количество булочек, то любая рана излечится. На какое-то время. Лакост была готова попробовать.

Габри принес Гамашу кофе с молоком, а когда он ушел, Бовуар подался вперед:

– Какой план на сегодня, шеф?

– Нужно сделать кое-какие раскопки. Я хочу знать все про Оливье. И я хочу знать, у кого мог быть зуб на него.

– *D'accord*,³³ – сказала Лакост.

– И еще Парра. Наведите справки – здесь и в Чешской Республике.

– Хорошо, – сказал Бовуар. – А вы?

– У меня встреча со старым другом.

* * *

По дороге из Трех Сосен Арман Гамаш поднялся на холм. Перебросив свой твидовый пиджак через руку, он пинал перед собой каштан. В воздухе стоял запах яблок, сладковатый и теплый. Плоды уже созрели и налились соком, но через несколько недель ударит убийственный мороз. И всего этого не станет.

Гамаш шел, и старый дом Хадли все увеличивался в размерах. Старший инспектор готовил себя к приходу в дом. Он предчувствовал волны грусти, накатывавшие на любого, кто имел глупость приблизиться к этому дому.

Но либо он оказался защищен лучше, чем ожидал, либо что-то здесь изменилось.

Гамаш остановился под солнечными лучами и оглядел дом. Это был несколько хаотичный дом в викторианском стиле с башенками, с кровлей, похожей на чешую, с широкими, просторными верандами и черной кованой оградой. Свежая краска сверкала на солнце, а парадная дверь отливала матовым красноватым блеском. Но это был не кровавый оттенок, а рождественский. Вишневый. Оттенок хрустящих осенних яблок. Дорожку очистили от колючих кустар-

³¹ *Чайлд Джулия Каролин* – американский повар, писатель и телеведущая, которая популяризировала французскую кухню среди американцев.

³² Будьте добры, пожалуйста (*фр.*).

³³ Ясно (*фр.*).

ников, уложили на ней массивную плитку. Гамаш обратил внимание, что кусты выровнены, деревья подстрижены, мертвые ветки удалены. Работа Рора Парры.

К своему удивлению, Гамаш понял, что стоит перед старым домом Хадли и улыбается. И с нетерпением ждет, когда его впустят внутрь.

Дверь открыла женщина лет семидесяти пяти.

– Oui?

У нее были седые, аккуратно подстриженные волосы. Лицо почти без всяких следов косметики – лишь немного вокруг глаз, которые смотрели на него поначалу с любопытством, потом с узнаванием. Женщина улыбнулась и открыла дверь шире.

Гамаш показал ей удостоверение.

– Извините, что беспокою вас, мадам. Меня зовут Арман Гамаш. Я служу в Квебекской полиции.

– Я вас узнаю, месье. Прощу, входите. Меня зовут Кароль Жильбер.

Манеры у нее были приятные, располагающие. Она пригласила его в прихожую. Гамаш бывал здесь и раньше. Много раз. Но теперь помещение изменилось до неузнаваемости. Словно на скелете выросли мышцы, связки, кожа. Форма осталась, но все остальное изменилось.

– Вы знаете этот дом? – спросила она, наблюдая за старшим инспектором.

– Я его знал, – сказал он, ловя ее взгляд.

Кароль посмотрела на него твердо, но без всякого вызова. Она вела себя как хозяйка – была уверена в себе и не чувствовала необходимости доказывать это. Гамашу показалось, что она расположена дружески, любезно, но все время остается начеку. Что там говорил Питер? Что когда-то она работала медицинской сестрой? Гамаш предположил, что она неплохо знала свое дело. Лучшие из них все время начеку. Ничто не проходит мимо их взгляда.

– Здесь все сильно изменилось, – сказал Гамаш, и Кароль кивнула, приглашая его дальше в дом.

Он вытер подошвы о коврик перед сияющим деревянным полом и последовал за ней. Прихожая выходила в большой холл с полом, выложенным новенькой черно-белой плиткой. Перед ними были широкая лестница и арки, ведущие в разные комнаты. Когда Гамаш приходил сюда в последний раз, он видел здесь руины, дом, впавший в отчаяние. Впечатление было такое, будто дом, проникшись к себе отвращением, уничтожает сам себя. Что-то обваливалось, обои висели клочьями, паркетины дыбились, потолок коробился. А теперь на полированном столе в центре помещения стоял громадный пестрый букет, наполнявший воздух ароматом. Стены были покрашены в изысканный золотистый цвет – что-то между бежевым и серым. Все было ярко, уютно, изящно. Как и женщина перед ним.

– Мы еще продолжаем ремонтные работы в доме, – сказала Кароль, ведя его через арку направо. Спустившись на две ступеньки, они оказались в просторной гостиной. – Я говорю «мы», но на самом деле этим заняты мой сын и невестка. Ну и рабочие, конечно.

Она произнесла это с самокритичной улыбкой.

– Я была настолько глупа, что на днях спросила, не могу ли чем-нибудь помочь. И тогда они дали мне молоток и попросили прибить гипсокартон. Я пробила водопроводную трубу и электрический провод.

Ее смех был таким искренним и заразительным, что Гамаш поймал себя на том, что и сам рассмеялся.

– Теперь я готовлю чай. Они называют меня чайной дамой. Чаю?

– Merci, madame, это будет очень мило.

– Я скажу Марку и Доминик, что вы пришли. Я полагаю, речь пойдет о том несчастном в бистро?

– Да.

В голосе ее слышалось сочувствие, но не озабоченность. Словно это не имело к ней ни малейшего отношения. И Гамаш поймал себя на том, что ему хочется, чтобы так оно и было.

В ожидании он оглядел комнату, подошел к окну во всю высоту стены – сквозь него лилось солнце. Комната была удобно обставлена диванами и креслами, которые так и приглашали погрузиться в них. Они были обтянуты дорогой тканью, придававшей им современный вид. У камина стояли два кресла с подставками под ноги. Здесь прекрасно уживались старый и новый миры. Тот, кто декорировал эту комнату, явно был не лишен вкуса.

На окнах висели раздвинутые шелковые занавеси, доходящие до самого паркетного пола. Гамаш подозревал, что занавеси почти никогда не закрывались – зачем отказываться от такого вида из окна.

Вид был захватывающий. С этого места на вершине холма открывалась вся долина. Гамаш видел речку Белла-Беллу, которая петляла по деревне, потом огибала гору, направляясь к следующей долине. Деревья на вершине горы меняли цвет – там осень уже наступила. Скоро красные, каштановые и тыквенно-оранжевые цвета спустятся по склону, и весь лес запылает пожаром цвета. И какое же прекрасное место здесь, на холме, откуда можно видеть все это. И не только это.

Стоя у окна, он видел идущих по деревне Рут и Розу – старая поэтесса швыряла в других птиц то ли зачерствевшие бобы, то ли камушки. Он видел, как Мирна работает в огороде Клары, видел, как агент Лакост идет через каменный мостик к их импровизированному штабу в здании старого вокзала. Вот она остановилась на мосту и уставилась на неторопливую воду. Интересно, о чем она думает? Она постояла немного и двинулась дальше. Другие жители были заняты своими делами, работали в своих огородах или сидели на террасах, читали газету, попили кофе.

Отсюда было видно все. Включая и бистро.

* * *

Агент Поль Морен пришел раньше Лакост и ждал ее перед зданием вокзала, делая записи в блокноте.

– Вчера вечером я размышлял о том, что случилось, – сказал он, пока она открывала дверь, затем направился следом за ней в холодную темную комнату, где она включила свет и прошла к своему столу. – Мне кажется, убийца должен был включить свет в бистро. Я пытался пройти по своему дому сегодня в два часа ночи, но это невозможно. Темнота полная. В городе с улицы проникает свет уличных фонарей, но здесь ничего такого нет. Как он мог знать, кого убивает?

– Я думаю, если он пригласил туда жертву, то сомнений у него не было. Он убивал единственного человека в бистро.

– Это я понимаю, – сказал Морен, подтаскивая стул к ее столу. – Но убийство – дело серьезное. Тут нельзя ошибиться. Ведь жертва была убита сильным ударом по голове, так?

Лакост набрала пароль своего компьютера – имя ее мужа. Морен настолько погрузился в свои записки и размышления, что не мог проследить, какой пароль она набирает, – в этом Лакост не сомневалась.

– Не думаю, что тут все так просто, как кажется, – с серьезным видом продолжал он. – Я попытался проделать такое прошлой ночью. Ударил молотком по дыне.

Теперь она внимательно слушала его. И не только потому, что ей хотелось узнать, что произошло. Просто любой человек, который встает в два часа ночи, чтобы ударить молотком по дыне, заслуживает внимания. Возможно, даже со стороны медиков.

– И?..

– В первый раз удар прошел по касательной. Пришлось повторить несколько раз, прежде чем получилось то, что требуется. Ошметков получилось ужас сколько.

Морен на мгновение представил, что подумает его девушка, когда проснется и увидит растерзанную дыню. Правда, он оставил записку, но не был уверен, что это поможет.

«Это я сделал, – написал он. – Ставил эксперимент».

Наверное, стоило написать что-нибудь более определенное.

Но важность сказанного не ускользнула от агента Лакост. Она откинулась на спинку стула и задумалась. У Морена хватило ума помалкивать.

– И каковы ваши соображения? – спросила она наконец.

– Полагаю, ему пришлось включить свет. Но это было рискованно. – У Морена был недовольный вид. – Я этого никак не могу понять. Зачем убивать его в бистро, когда в нескольких десятках футов лесная чаща? Там можно убить хоть сотни людей, и никто не заметит. Зачем делать это там, где тело будет найдено, на виду?

– Вы правы, – сказала Лакост. – В этом нет смысла. Шеф думает, что это каким-то образом связано с Оливье. Возможно, убийца не случайно выбрал бистро.

– Чтобы подозрение пало на Оливье?

– Или чтобы уничтожить его бизнес.

– Может быть, это сделал сам Оливье, – сказал Морен. – А почему нет? Он, пожалуй, единственный, кто мог бы там ориентироваться в темноте. У него были ключи от двери...

– Ключи были у кого угодно. Кажется, в деревне не осталось ни одного человека, у кого не было бы ключей. А один комплект Оливье держал под вазой при входе, – сказала Лакост.

Морен кивнул, его это ничуть не удивило. Так жили в деревнях. По крайней мере, в небольших.

– Он определенно основной подозреваемый, – заметила Лакост. – Но зачем ему убивать кого-то в собственном бистро?

– Может, это случилось неожиданно. Может, в бистро проник бродяга, Оливье подрался с ним и убил, – сказал Морен.

Лакост молча ждала, куда заведут Морена его рассуждения. Он поставил локти на стол и, опершись подбородком на руки, уставился в пространство:

– Но это случилось посреди ночи. Если он увидел кого-то в бистро, то разве не должен был вызвать полицию? Или хотя бы разбудить своего партнера? Оливье Брюле не кажется мне человеком, который берет бейсбольную биту и в одиночестве бежит выяснять, что случилось.

Лакост посмотрела на агента Морена. При этом освещении, выхватывавшем из мглы лицо молодого человека, он был похож на идиота. Но таковым отнюдь не был.

– Я знаю Оливье, – заговорила Лакост, – и могу поклясться: он был поражен увиденным. Он был в шоке. Это трудно имитировать, и я совершенно уверена, что никакой имитации тут не было. Нет. Когда Оливье Брюле проснулся вчера утром, он никак не ожидал увидеть труп в своем бистро. Но это не значит, что он каким-то образом не вовлечен в это дело. Пусть даже против собственного желания. Шеф хочет, чтобы мы разузнали побольше про Оливье. Где он родился, где его семья, где он учился, чем занимался до приезда сюда. Нет ли у кого зуба на Оливье. Не рассердил ли он кого.

– Ну, тут больше чем рассердил.

– С чего вы решили? – спросила Лакост.

– Знаете, если я сержусь, то я никого не убиваю.

– Вы не убиваете. Но я предполагаю, что вы человек сдержанный. Если не считать происшествия с дыней. – Она улыбнулась, и Морен покраснел. – Слушайте, судить о других по себе – большая ошибка. Реакция других людей не похожа на нашу – вот один из первых уроков, которые преподает вам старший инспектор Гамаш, когда вы начинаете у него работать. А реакция убийцы тем более не похожа на реакцию обычного человека. Эта история началась

не с удара по голове. Она началась много лет назад и с совсем другого удара. Что-то случилось с нашим убийцей. Что-то такое, что с нашей точки зрения может показаться незначительным, даже тривиальным, но для него этот удар был сокрушительным. Какое-то событие, резкое замечание, ссора, на которые большинство других людей даже не обратили бы внимания. Но убийцы смотрят на мир иначе. Они погружаются в свои мысли, они копят и хранят ненависть. И ненависть растет. Убийство – всегда дело эмоциональное. Запомните это. И никогда не думайте, что вам понятны мысли другого человека. Я уже не говорю о чувствах.

Таким был первый урок, преподанный ей старшим инспектором Гамашем, и первый, который она преподавала своему собственному протеже. Да, для того чтобы найти убийцу, ты исследуешь улики. Но ты исследуешь и эмоции. Даже те, что вызывают отвращение, грязные и мерзкие. Ты погружаешься в эту муть. И тогда ты находишь свою добычу.

Были и другие уроки. Множество уроков. И она преподаст их ему.

Вот об этом-то она и думала на мосту. Думала и беспокоилась. Надеялась, что сможет передать этому пареньку достаточно мудрости, достаточно инструментов, чтобы схватить убийцу.

– Натаниэль, – сказал Морен, вставая и направляясь к своему компьютеру. – Имя вашего мужа или сына?

– Мужа, – ответила Лакост, немного растерянная.

Значит, он видел, как она вводила пароль.

Зазвонил телефон. Это была коронер. Она срочно хотела поговорить со старшим инспектором.

Глава десятая

По просьбе старшего инспектора Марк и Доминик Жильбер устроили ему экскурсию по дому, и теперь все они стояли перед комнатой, хорошо знакомой Гамашу. Это была хозяйская спальня старого дома Хадли, комната Тиммера Хадли.

Здесь произошли два убийства.

Он смотрел на закрытую дверь, сверкающую свежей белой краской, и спрашивал себя, что увидит за ней. Доминик распахнула дверь, и из комнаты хлынул солнечный свет. Гамаш не сумел скрыть удивления.

– Перемены разительные, – сказал Марк Жильбер, явно довольный реакцией Гамаша.

Если говорить попросту, то комната ошеломляла. Отсюда удалили все украшения, добавленные за несколько поколений: лепнину на потолке, темную каминную доску, тяжелые бархатные занавеси, которые не пускали сюда свет, накапливали в себе пыль, страх и викторианские нравы. Все это исчезло. Тяжелая, устрашающая кровать с балдахином тоже исчезла.

Комнате вернули ее изначальный вид, выявили линии, демонстрирующие ее великолепные пропорции. Новые занавеси в широкую полоску сиреневого и серого цвета свободно пропускали свет. По верху каждого из больших окон проходила вставка витражного стекла. Оригинального. Изготовленного больше столетия назад. Сквозь него в комнату проникали веселые цветные лучики. Заново окрашенные полы сверкали. Громадная кровать с обтянутым тканью изголовьем была застлана простым белым постельным бельем. В камине потрескивал огонь, готовый к приему гостей.

– Давайте я вам покажу ванную.

Она была высокая и стройная. Лет сорока пяти. В джинсах и простой белой рубашке. Светлые волосы распущены. Вид уверенный и процветающий. На ее руках с коротко подстриженными ногтями Гамаш заметил белые пятнышки краски.

Рядом с ней стоял улыбающийся Марк Жильбер, довольный возможностью продемонстрировать свое творение. А Гамаш, как никто другой, знал, что воскрешение старого дома Хадли было настоящим актом творения.

Марк тоже был высок – больше шести футов. Чуть выше Гамаша и фунтов на двадцать легче. Он носил коротко подстриженные, почти под корень, волосы, и создавалось впечатление, что если он их отрастит, то его залысины станут заметнее. Его жизнерадостные голубые глаза смотрели проницательно, а манера общения была приветливая и энергичная. Но если его жена чувствовала себя спокойно, то в манерах Марка Жильбера было что-то дерганое. Не столько нервного характера, сколько эмоционального.

«Он ждет моего одобрения, – подумал Гамаш. – Не так уж необычно для человека, показывающего столь важное для него детище». Доминик продемонстрировала особенности ванной с ее голубоватой плиткой, джакузи и отдельной душевой кабиной. Она гордилась проделанной работой, но ей восторги Гамаша, похоже, не требовались.

В отличие от Марка.

Дать Марку то, что он хотел, было не трудно. На Гамаша увиденное и в самом деле произвело впечатление.

– А эту дверь мы сделали только на прошлой неделе, – сказал Марк.

Открыв дверь ванной, они шагнули на балкон. Он располагался в задней части дома и выходил в сад, за которым простирались поля.

У стола стояли четыре стула.

– Я подумала, что можно поговорить здесь, – раздался голос сзади.

Марк поспешил взять из рук матери поднос, на котором стояли стаканы чая со льдом и вазочка с булочками.

– Присядем? – Доминик показала на стол, и Гамаш отодвинул стул для Кароль.

– Merci. – Пожилая женщина села.

– Ну, за второй шанс, – сказал старший инспектор.

Он поднял свой стакан в шутовском тосте, одновременно разглядывая хозяев. Трех людей, которые волею судеб оказались в этом печальном, разрушенном, заброшенном доме. Трех людей, которые дали дому новую жизнь.

А дом отвечал на это теплом.

– Тут еще есть что сделать, – сказал Марк, – но руки пока не дошли.

– Надеемся ко Дню благодарения принять первых гостей, – сообщила Доминик. – Если Кароль оторвется от стула и поможет. Но пока она отказывается вкапывать столбики для ограды или заливать бетон.

– Ну разве что сегодня днем, – со смехом произнесла Кароль Жильбер.

– Я обратил внимание, тут есть кое-какие старые вещи. Вы привезли их из дома? – спросил Гамаш.

Кароль кивнула:

– Мы соединили наши пожитки в одну кучу. Но еще много чего придется докупить.

– У Оливье?

– Кое-что. – Это был самый короткий ответ, услышанный здесь Гамашем до этой минуты.

Он ждал еще чего-нибудь.

– Мы купили у него чудесный коврик, – сказала Доминик. – Тот, что в холле при входе, кажется.

– Нет, он в подвале, – отрезал Марк.

Он попытался смягчить неловкость улыбкой, но получилось плоховато.

– И еще, кажется, несколько стульев, – тут же добавила Кароль.

Это составляло около одной сотой всей мебели в громадном доме. Гамаш отхлебнул чай, поглядывая на хозяев.

– Остальное мы купили в Монреале, – сказал Марк. – На рю Нотр-Дам. Знаете?

Гамаш кивнул, и Марк начал рассказывать, как они ходили туда-сюда по знаменитой улице, на которой есть множество антикварных магазинов. Некоторые торгуют просто рухлядью, но кое-где можно найти настоящие шедевры, бесценные произведения старины.

– Старик Мюнден ремонтирует кое-какие вещишки, что мы купили на гаражных распродажах. Только не говорите гостям, – сказала Доминик со смехом.

– Я слышал, вы приглашали к себе на работу ребят из бистро Оливье? – закинул удочку Гамаш.

Марк покраснел.

– Кто это вам сказал? Оливье? – недовольным голосом спросил он.

– Это верно?

– Ну а если и верно? Он платит им практически рабское жалованье.

– И кто-то из них согласился?

Марк помедлил, потом ответил, что нет.

– Но только потому, что он увеличил им жалованье. Хоть это мы для них сделали.

Доминик слушала его, испытывая неловкость. Она взяла мужа за руку:

– Я уверена, что они к тому же преданы Оливье. Похоже, им он нравится.

Марк фыркнул, подавляя гнев. Гамаш понял: этот человек не умеет мириться с тем, что его желание не удастся воплотить в жизнь. Но его жена видела, как это может выглядеть со стороны, и попыталась вразумить его.

– Понимаете, он оболгал нас перед всей деревней. – Марк не хотел просто так бросать эту тему.

– Ничего, все это забудется, – сказала Кароль, озабоченно глядя на сына. – Тут живет очень милая чета художников.

– Питер и Клара Морроу, – подхватила Доминик. – Да, они мне нравятся. Она говорит, что с удовольствием будет ездить на лошадях, когда они появятся.

– А когда это случится? – спросил Гамаш.

– Сегодня к вечеру.

– *Vraiment?*³⁴ Это будет удовольствие для вас. И сколько лошадей?

– Четыре, – ответил Марк. – Чистокровные.

– Но ты, кажется, купила немного других, – сказала Кароль, повернувшись к невестке.

– Правда? Я думал, ты хочешь чистокровных, – протянул Марк.

– Я хотела, но потом увидела гонтеров³⁵ и решила, что если уж мы живем за городом, то это вполне приемлемо. – Она снова посмотрела на Гамаша. – Нет, охотиться я не собираюсь. Это просто порода лошадей.

– У них мощный прыжок, – кивнул он.

– Вы ездите верхом?

– Не ахти как, но мне нравилось. Вот уже сколько лет не садился в седло.

– Приходите к нам, – сказала Кароль, хотя они все знали, что он почти наверняка не сможет втиснуться в бриджи для езды и забраться на гонтера.

Гамаш улыбнулся, подумав о том, как бы на такое приглашение отреагировал Габри.

– А какие у них клички?

Доминик задумалась, и ей на выручку пришла свекровь:

– Трудно запомнить, да? Но одного, кажется, зовут Гром.

– Да, верно. Гром, Солдат, Троянец и... как там четвертого? – Доминик повернулась к Кароль.

– Молния.

– Правда? Гром и Молния? – спросил Марк.

– Они братья, – ответила Доминик.

Допив чай со льдом и оставив от булочек одни крошки, они поднялись и пошли в дом.

– Почему вы переехали сюда? – спросил Гамаш, когда они спускались на нижний этаж.

– *Pardon?* – переспросила Доминик.

– Почему вы переехали за город и конкретно в Три Сосны? Найти эту деревню не так-то просто.

– Нам здесь понравилось.

– Вы не хотите, чтобы вас нашли? – спросил Гамаш.

Хотя это прозвучало с юмором, его глаза смотрели остро.

– Мы искали тишины и покоя, – ответила Кароль.

– Мы хотели попробовать свои силы, – сказал ее сын.

– Мы хотели перемен. Ты не забыл? – Доминик повернулась к Гамашу: – У нас обеих была хорошо оплачиваемая работа в Монреале, но мы устали. Сгорели на работе.

– Ну, это не совсем так, – возразил Марк.

– Очень близко к действительности. Продолжать дальше мы не могли. И не хотели.

Она не стала дальше развивать эту тему, понимая, что Марк не хочет признавать случившееся. Бессонница, приступы паники. Потребность остановить машину на хайвее, чтобы перевести дыхание. Потребность оторвать руки от рулевого колеса. Он терял контроль над собой.

³⁴ Неужели? (*фр.*)

³⁵ *Гонтер* – верховая лошадь, рожденная от чистокровного верхового жеребца и упряжной кобылы. В Англии и Ирландии издавна производили гонтеров для использования в конных охотах, где от лошади требуется большая сила, выносливость и способность преодолевать разнообразные естественные и искусственные препятствия.

День за днем ездил он на работу в таком состоянии. Недели, месяцы. Год. Наконец он признался Доминик, что его силы на исходе. Они уехали на уик-энд – первый за несколько лет. И у них состоялся откровенный разговор.

У Доминик не было приступов паники, зато она испытывала нечто другое. Растущее ощущение опустошенности. Бесполезности. Она просыпалась каждое утро и убеждала себя в том, что ее работа – рекламная деятельность – имеет смысл.

Убеждать себя становилось все труднее.

И тогда Доминик вспомнила о чем-то давным-давно забытом. О детской мечте – жить за городом и иметь лошадей.

Она хотела иметь гостиницу. Принимать людей, заботиться о них. Своих детей у них не было, и она испытывала потребность заботиться о ком-нибудь. Они оставили Монреаль, оставили работу, которая вгоняла их в стресс, оставили жизнь в городской суете. Они приехали в Три Сосны с сумками денег, чтобы сначала излечиться самим. А потом излечить других.

Рану дома они явно залечили.

– Как-то в субботу мы увидели в «Газетт» объявление о продаже этого места, приехали сюда и купили его, – сказала Доминик.

– По вашим словам, все получилось очень просто.

– Так оно и было, поверьте, как только мы решили, чего хотим.

Глядя на нее, Гамаш вполне верил ее словам. Она знала кое-что очень важное, о чем многие и не догадываются. Она знала, что люди сами творят свою судьбу.

И это делало ее могущественной.

– А вы, мадам? – Гамаш повернулся к Кароль Жильбер.

– Я уже давно не работаю.

– И жили в Квебек-Сити, насколько я понимаю.

– Верно. Я оставила работу и переехала туда после смерти мужа.

– Désolé.³⁶

– Ну, это было много лет назад. Но когда Марк и Доминик пригласили меня сюда, мне показалось, что в этом что-то есть.

– Вы работали медсестрой? Ваши профессиональные знания понадобятся в спа.

– Надеюсь, что нет, – рассмеялась она. – Ты ведь не планируешь калечить людей? – спросила она Доминик. – Спаси Господь любого, кто обратится ко мне за помощью.

Они снова оказались в гостиной, и старший инспектор остановился у высокого окна, потом повернулся лицом к комнате.

– Спасибо вам за экскурсию. И за чай. Но у меня к вам есть несколько вопросов.

– Касательно убийства в бистро, – сказал Марк и шагнул чуть ближе к жене. – Убийство как-то не вяжется с этой деревней.

– Да, ни за что не скажешь, верно? – проговорил Гамаш, спрашивая себя, рассказал ли им кто-нибудь историю этого дома. Возможно, подробности не были указаны в описании агента по продаже недвижимости. – Для начала хочу вас спросить, не видели ли вы поблизости постояльцев.

– Для нас все посторонние, – сказала Кароль. – Мы уже знаем большинство жителей деревни, по крайней мере здороваемся, но на этот уик-энд здесь полно людей, которых мы не знаем.

– Этого человека трудно было бы не заметить. Он выглядел как бродяга.

– Нет, никого подобного я не видел, – ответил Марк. – А ты, мама?

– Никого.

– Где вы были в субботу вечером и рано утром в воскресенье?

³⁶ Примите мои соболезнования (фр.).

– Марк, ты, кажется, первым отправился спать. Он обычно первым ложится. А мы с Доминик смотрели «Тележурнал» по «Радио Кэнада», а потом тоже пошли спать.

– Около одиннадцати, кажется, – добавила Доминик.

– А ночью никто из вас не вставал?

– Я вставала, – сказала Кароль. – Ненадолго. В туалет.

– Почему вы об этом спрашиваете? – поинтересовалась Доминик. – Убийство произошло в бистро. К нам это не имеет никакого отношения.

Гамаш повернулся и показал на окно:

– Вот почему я спрашиваю.

Они посмотрели в окно. Внизу, в деревне люди укладывали вещи в машины, обнимались. Взрослые звали детей, и те неохотно бросали игры на деревенском лугу и шли к машинам. Молодая женщина быстро шагала по рю Дю-Мулен в сторону старого дома Хадли.

– Ваш дом – единственный, из которого видна вся деревня, и единственный, откуда видно бистро. Если убийца включал там свет, то вы могли это видеть.

– Наши спальни с другой стороны дома, – сказала Доминик.

Гамаш уже отметил это во время экскурсии.

– Верно. Но я надеялся, что у кого-то из вас могла случиться бессонница.

– Извините, инспектор, но мы здесь спим мертвым сном.

Гамаш не сказал о том, что мертвецы в старом доме Хадли никогда не спали хорошо.

В этот момент позвонили в дверь, и Жильберы вздрогнули – они никого не ждали. Но Гамаш ждал. Он видел, что по рю Дю-Мулен из деревни в их сторону идет агент Лакост.

Что-то произошло.

– Позвольте сказать вам кое-что наедине, – сказала Изабель Лакост после представления.

Жильберы поняли намек, и, когда они вышли, агент Лакост сообщила Гамашу:

– Звонила коронер. Жертву убили не в бистро.

Глава одиннадцатая

Мирна постучала в дверь быстро и отворила ее.

– Эй, хозяйева, как вы там? – проговорила она в сумерки помещения.

Впервые за все то время, что она провела в Трех Соснах, в бистро в рабочее время не горел свет. Оливье открывался даже в Рождество.

Оливье сидел в кресле, глядя перед собой. Он посмотрел на нее и улыбнулся:

– Отлично.

– Отлично в понимании Рут? Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно?

– Можно и так сказать.

Мирна села напротив него и предложила чашку чая, принесенную из своего магазина. Чай был крепкий, горячий, с молоком и сахаром. «Ред роуз». Ничего необычного.

– Хочешь поговорить?

Она сидела тихо, глядя на своего друга. Она знала его лицо, отмечала едва заметные изменения, происходившие с ним в течение нескольких лет. Морщинки вокруг глаз, редющие светлые волосы. Не изменилось, насколько она могла судить, то, что было невидимо глазу, но очевидно душе. Его доброе сердце, его внимательность. Если кто-то заболел, Оливье первым приносил больному бульон. Первым приезжал в больницу. Всегда был готов почитать вслух кому-нибудь слишком слабому, уставшему и стоящему у того края, где делать это самому больше нет сил. Габри, Мирна, Клара – все они агитировали обитателей деревни помогать страждущим, и когда те приходили на помощь, Оливье уже был там.

Теперь настала их очередь помочь ему.

– Не знаю, захочется ли мне когда-нибудь открыть бистро снова.

Мирна отхлебнула чай и кивнула:

– Это понятно. Тебе нанесли удар. Представляю, каким потрясением было для тебя увидеть его здесь. Я знаю, каким потрясением это было для меня, но это ведь не мое бистро.

«Нет, ты не можешь представить», – подумал Оливье. Он ничего не сказал, только смотрел пустым взглядом в окно. Он видел, как по рю Дю-Мулен из старого дома Хадли идут старший инспектор Гамаш и агент Лакост. Он молился, чтобы они прошли мимо. Не появились здесь. С их пронизательными глазами и быющими наповал вопросами.

– Вот думаю, не продать ли мне все это. Не уехать ли.

Его слова удивили Мирну, но она ничем этого не показала.

– Почему? – мягко спросила она.

Оливье покачал головой и опустил глаза на руки, лежащие на коленях:

– Все меняется. Все изменилось. Почему все не может оставаться таким, как прежде? Ты ведь знаешь, они забрали две кочерги от каминов. Мне кажется, Гамаш считает, что это сделал я.

– Уверена, ничего такого он не считает. Оливье, посмотри-ка на меня, – сказала Мирна требовательным тоном. – Что он там считает, не имеет значения. Мы знаем правду о тебе. А ты должен узнать кое-что про нас. Мы тебя любим. Ты думаешь, мы приходим сюда каждый день ради еды?

Он кивнул и слабо улыбнулся:

– Ты хочешь сказать, не ради круассанов? Не ради красного вина? Даже не ради шоколадного торта?

– Нет, конечно, и ради этого тоже. В особенности ради торта. Но послушай: мы приходим ради тебя. Ты – главное, что привлекает всех. Мы тебя любим, Оливье.

Оливье встретился с ней взглядом. Раньше он не понимал, что всегда боялся задавать себе этот вопрос: неужели их любовь обусловлена только его положением? Он был владельцем бистро, единственного в деревне. Они любили его за атмосферу и гостеприимство. За еду и выпивку. Этим и ограничивались их чувства к нему. Они любили его за то, что он давал им. Продавал им.

Без этого бистро он был для них ничто.

Откуда Мирне было известно то, в чем он сам себе боялся признаться? Он посмотрел на нее и улыбнулся. На ней был ее обычный цветастый кафтан. К ее следующему дню рождения Габри сшил ей зимний кафтан из фланели. Оливье представил себе, как она в этом кафтане заправляет в своей книжной лавке. Большой теплый фланелевый шар.

Тот мир, что несколько дней сжимал его в своих клещах, ослабил хватку.

– Мы едем на ярмарку в Брум. Сегодня последний день. Что скажешь? Может быть, тебя заинтересуют сахарная вата, крем-сода или бургер с бизоньей котлетой? Говорят, Уэйн сегодня собирается продемонстрировать приплод молочных поросят. Я знаю, как тебе нравятся хорошенькие маленькие поросятки.

Раз, всего лишь раз во время ежегодной ярмарки Оливье свозил их в свинарник посмотреть на поросят. С тех пор он слыл любителем поросят. Но он не возражал. Так оно и было: ему нравились поросята. Он подозревал, что у него много общего с этими животными. Но на предложение Мирны он отрицательно покачал головой:

– Боюсь, я к этому не готов. Но ты поезжай. Привези мне чучело.

– Может, тебе нужна компания? Я могла бы остаться.

Оливье знал, что ее слова искренни, но ему нужно было побыть одному.

– Спасибо, но мне и в самом деле Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно.

– Ну, если тебе отлично... – сказала Мирна, вставая.

Проработав немало лет психотерапевтом, она умела слушать людей. Оставлять их наедине с самими собой.

Оливье смотрел в окно, как Мирна, Питер, Клара, Рут и утка Роза садятся в машину Морроу. Они помахали ему, он весело ответил им тем же. Мирна не махала – она только кивнула. Оливье опустил руку, перехватил ее взгляд и кивнул в ответ.

Он поверил ей, когда она сказала ему, что они его любят. Но еще он знал, что любят они человека, которого на самом деле не существует. Он был выдумкой. Знай они настоящего Оливье, они бы вышвырнули его из своей жизни и, возможно, из деревни.

Их машина преодолела подъем, направляясь в округ Брум на ярмарку, а он снова услышал те слова. Произнесенные в хижине, что спряталась в лесной чаще. Он ощутил запах горящего дерева, сушеных трав. И снова увидел Отшельника. Живого. Здорового. Испуганного.

И снова услышал ту историю, которая была не просто историей.

В давние времена Король Горы стерег сокровище. Он глубоко зарыл его и тысячу лет не отходил от этого места. Другие боги завидовали и сердились, предупреждали его, что если он не поделится с ними сокровищем, то они сделают что-нибудь ужасное.

Но Король Горы был самым сильным из богов, и он просто смеялся, зная, что ничего они не смогут с ним сделать. Он легко мог отбить любое нападение и отомстить им. Он был неуязвим. Он подготовился к их нападению. Ждал его. Но нападения так и не последовало.

Ничего так и не появилось. Никогда.

Ни копыя, ни пики, ни боевого коня, ни всадника, ни собаки, ни птицы. Ни семени на ветру. Даже ветра не было.

Ничего. Никогда. Снова и снова.

Первым его начала донимать тишина, а потом – отсутствие прикосновения. Ничто не прикасалось к нему. Ни один ветерок не щекотал его скалистую поверхность. Ни один муравей не ползал по нему, ни одна птица не садилась на него. Ни один червь не прополз внутрь.

Он не чувствовал ничего.

Пока однажды не пришел юноша.

Оливье усилием воли заставил себя вернуться в бистро. Тело его было напряжено, мышцы словно свела судорога. Ногти впились в ладони.

«Почему? – в миллионный раз спрашивал он себя. – Почему я сделал это?»

* * *

Прежде чем отправиться к коронеру, старший инспектор подошел к большому листу бумаги, приколотому к стене в оперативном штабе. На листе инспектор Бовуар красным фломастером написал:

Кем была жертва?

Почему его убили?

Кто его убил?

Чем его убили?

Вздыхнув, старший инспектор добавил еще две строки.

Где он был убит?

Почему тело переместили?

Пока что по мере расследования обнаруживались не новые улики, а новые вопросы. Но ответы могли появиться лишь в одном случае – когда задавались вопросы. Гамаш недоумевал, но чувства неудовлетворенности не испытывал.

Жан Ги Бовуар уже ждал его у больницы Кауансвилла, они вошли туда вместе и спустились в подвал, где находились архив и морг.

– Я позвонила, как только поняла, что вижу, – сказала доктор Харрис после обмена приветствиями.

Она провела их в стерильную комнату, ярко освещенную лампами дневного света. Покойник лежал обнаженный на стальной поверхности каталки. Гамаш подумал, что хорошо бы укрыть его одеялом – возникало ощущение, что труп окоченел. Так оно и было на самом деле.

– Внутреннее кровотечение имелось, но незначительное. Из этой раны, – доктор указала на пролом в черепе, – кровь должна была вытечь на ту поверхность, на которую он упал.

– На полу бистро почти не было крови, – заметил Бовуар.

– Его убили где-то в другом месте, – с уверенностью сказала коронер.

– Где? – спросил Гамаш.

– Вы хотите, чтобы я назвала адрес?

– Если вам не трудно, – улыбнулся старший инспектор.

Доктор Харрис улыбнулась ему в ответ:

– Адреса я, конечно, не знаю, но могу предъявить вам кое-что – возможно, у вас возникнут какие-то соображения.

Она подошла к лабораторному столу, на котором стояло несколько пузырьков с бирками. Один из пузырьков она передала старшему инспектору.

– Помните, я говорила, что в ране обнаружилось какое-то белое вещество? Я думала, это пепел. Или кость. Или даже перхоть. Ничего подобного.

Гамашу пришлось надеть очки, чтобы разглядеть крохотную белую чешуйку в пузырьке. Он прочел надпись на бирке.

«Найденный в ране парафин».

– Парафин? Это вроде воска?

– Да, обычно его называют парафиновый воск. Такой старомодный материал, как вы, вероятно, знаете. Прежде использовался для изготовления свечей, потом его заменили на другой, более устойчивый воск.

– Моя мать пользуется им, когда маринует что-нибудь, – вспомнил Бовуар. – Заливает крышку банки расплавленным воском для герметизации.

– Да, его и так использовали, – кивнула доктор Харрис.

Гамаш повернулся к Бовуару:

– Где была твоя мать вечером в субботу?

Бовуар рассмеялся:

– Единственный, кому она обещала проломить голову, это я. Но для общества она угрозы не представляет.

Гамаш вернул пузырек коронеру:

– У вас есть какие-нибудь предположения?

– Воск был довольно глубоко в ране, так что он находился либо на голове убитого, либо на оружии убийства.

– Банка с маринадом? – предположил Бовуар.

– В качестве оружия убийства использовались и более странные предметы, – сказал Гамаш, хотя ему в голову ничего такого не приходило.

Бовуар покачал головой. Видимо, убийца был англосаксом. Кто еще додумался бы превратить маринованные огурцы в оружие убийства?

– Значит, его убили не кочергой? – спросил Гамаш.

– Если и кочергой, то очень чистой. Ни малейших следов нагара. Только вот это. – Доктор Харрис кивнула в сторону пузырька. – Есть и еще кое-что. – Она подтащила лабораторное кресло к столу. – На его одежде, на спине, мы нашли вот это. Всего лишь следы, но они есть.

Она протянула Гамашу данные анализа и указала соответствующую строку. Гамаш прочитал:

– Акриловый полиуретан и окись алюминия. Это что такое?

– Это морилка для дерева фирмы «Варатан», – ответил Бовуар. – Мы недавно обновляли полы. Ее используют для покрытия после обработки песком.

– И не только для полов, – сказала доктор Харрис. – Ее часто используют во всяких работах с деревом для покрытия готового изделия. Если не считать раны на голове, покойный был в неплохой форме. Мог прожить еще лет двадцать пять – тридцать.

– Я смотрю, за несколько часов до смерти он поел, – заметил Гамаш, читая результаты вскрытия.

– Вегетарианец. Поклонник органики. Я это проверяю, – сказала коронер. – Здоровая вегетарианская пища. Это вам не обычный обед бродяги.

– Вероятно, кто-то пригласил его на обед, а потом убил, – предположил Бовуар.

Доктор Харрис помедлила:

– Я думала об этом. Не исключено.

– Но? – спросил Гамаш.

– Но похоже, он постоянно так питался. Не только в этот раз.

– Значит, он либо готовил для себя и выбирал здоровую диету, – сказал Гамаш, – либо ему кто-то готовил и они были вегетарианцами.

– Пожалуй, – согласилась коронер.

– Я смотрю, ни алкоголя, ни наркотиков, – сказал Бовуар, пробегая глазами отчет.

Доктор Харрис кивнула:

– Вряд ли он был бездомным бродягой. Не думаю, что кто-то о нем заботился, но уверена, что он сам заботился о себе.

«Какая великолепная эпитафия, – подумал Гамаш. – „Он заботился о себе“».

– Возможно, он был сурвивалистом, – выдвинул идею Бовуар. – Ну, вы знаете, один из этих чокнутых, которые бегут из города и прячутся в лесу, думая, что сейчас наступит конец света.

Гамаш повернулся к Бовуару. Эта мысль показалась ему интересной.

– Откровенно говоря, я в недоумении, – сказала коронер. – Как видите, его убили одним сильнейшим ударом по затылку. Это само по себе необычно. Нанести всего один удар... – Голос доктора Харрис замер, она покачала головой. – Обычно, если кто-то собирается прикончить другого человека, он пребывает в состоянии эмоциональной неуравновешенности. Он близок к истерике, он не может остановиться. И тогда мы видим множество ударов. Но один удар вроде этого...

– О чем он вам говорит? – спросил Гамаш, глядя на пробитый череп.

– Это преступление не было совершено в состоянии аффекта. Нет, эмоции, конечно, были. Но было и планирование. Тот, кто это сделал, пребывал в бешенстве. Но он вполне себя контролировал.

Брови Гамаша взметнулись. Такое случалось редко. Крайне редко. Сбивало следователей с толку. Смирять эмоции в таких случаях – это все равно что совладать с табуном диких жеребцов, которые ржут и встают на дыбы, раздувают ноздри, бьют копытами.

Кто может справиться с этим?

Убийца, которого они искали, смог.

Бовуар посмотрел на своего шефа, а тот – на Бовуара. Это было плохо.

Гамаш снова повернулся к холодному телу на холодной каталке. Если убитый был сурвивалистом, то из его стратегии выживания ничего не получилось. Если этот человек боялся конца света, то он недостаточно далеко убежал, недостаточно глубоко зарылся в канадскую глушь.

Конец света нашел его.

Глава двенадцатая

Доминик Жильбер стояла рядом со свекровью и смотрела на грунтовую дорогу. Время от времени им приходилось отходить в сторону, чтобы пропустить очередную машину с людьми, которые уезжали из Трех Сосен – спешили на последний день ярмарки или в город, стараясь успеть до часа пик.

Доминик и ее свекровь смотрели не в ту сторону, откуда ехали эти машины, а в другую сторону. В сторону дороги на Кауансвилл. Они ждали лошадей.

Доминик до сих пор удивлялась, почему она так начисто забыла свою детскую мечту. Впрочем, в этом, наверное, не было ничего удивительного, ведь, помимо этого, она мечтала выйти замуж за Кейта из сериала «Семья Партридж» или оказаться одной из спасшихся царевен Романовых. Ее фантазии о лошадях исчезли вместе с другими несбыточными мечтами, их сменили мысли о заседаниях совета директоров, встречах с клиентами, фитнес-клубах и возрастающих ценах на одежду. Наконец ее чаша переполнилась, ее настроение коренным образом изменилось, и все эти замечательные восхождения по служебной лестнице, отпуска, spa-процедуры перестали ее интересовать. Но на дне этой чаши, наполненной целями, стремлениями, желаниями, оставалась одна последняя капля.

Ее мечта. О собственной лошади.

Девчонкой она ездила верхом. Она чувствовала себя свободной, когда ветер трепал волосы, а поводья легко лежали в руках. Опасности исчезали. Неискоренимые волнения умненькой маленькой девочки уходили.

Много лет спустя, когда неудовлетворенность обернулась отчаянием, когда ее душа устала, когда она с трудом заставляла себя вставать с постели по утрам, эта детская мечта вернулась. Как кавалерия, как Канадская королевская конная полиция, скачущая ей на выручку.

Лошади спасут ее. Эти великолепные существа, которые так любят своих хозяев, что скачут с ними в бой, когда вокруг рвутся снаряды, когда царит ужас, когда кричат люди и лязгает оружие. Если наездник подстегивает их – они скачут вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.